

попдаданаец

Дмитрий Христосенко

КРОВЬ ДРАКОНА

ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

Попаданец (АСТ)

Дмитрий Христосенко

Остаться в живых

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Христосенко Д. В.

Остаться в живых / Д. В. Христосенко — «АСТ»,
2017 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-103357-6

В результате неправильно пошедшего ритуала, проведенного молодой драконицей, наш соотечественник, Глеб Волков, оказался в теле ее брата – маркиза Фаросского. Кому нужен чужак, теоретически способный заявить свои права на престол? Судьба Волкова зависит от посвященных в его тайну, любое его действие может быть расценено как угроза, и ему следует быть предельно осторожным. А тут еще на окраинах герцогства неспокойно, плетет свои козни туронский маркграф. Из столицы отправляют отряд в сторону беспокойной границы. Волков назначен командиром, но никакой реальной власти над войском у него не будет. Отказ не принимается. Глеб понимает, что опасность грозит не только со стороны врагов, но и от своих, ведь гибель нежелательного наследника престола так легко списать на трагическую случайность. Может, он ошибается? Возможно. Идущие в поход наемники отрабатывают свое жалованье, придворная молодежь мечтает о подвигах и славе, а Волков просто хочет остаться в живых. Это его цель.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-103357-6

© Христосенко Д. В., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	31
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Христосенко

Кровь дракона. Остаться в живых

© Дмитрий Христосенко, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Я – пущенная стрела,
И нет зла в моем сердце, но
Кто-то должен будет упасть,
Все равно.*

Пикник

Пролог

Несколько всадников, напирая конями на переплетенные в единый растительный полог-завесу ветви, с треском проломились через длинную полосу кустарника и оказались на небольшой полянке, со всех сторон окруженной густыми зарослями. Настоящий лесной схрон, созданный самой природой! Можно проехать в паре метров и не обнаружить укрывшихся.

Первый из всадников, молодой парень в дорогом охотничьем костюме – Данхельт Тормахилласт-Амиресса Фаросс¹, – повертел головой в поисках преследуемой добычи и, не обнаружив искомого зверя, раздраженно швырнул рогатину² на землю. После чего разразился длинной, чрезвычайно эмоциональной тирадой, расписывая достоинства ушедшей добычи и недостатки своих нерасторопных помощников. Один из его спутников, такой же молодой, может быть лишь немного старше, подъехал к нему вплотную и сказал что-то негромким спокойным голосом, успокаивающе-доверительно положив руку на плечо юноше.

Тот обернулся к нему, одновременно резким движением сбросив руку, и ожег яростным взглядом, так, что непрошенный советчик откатнулся назад, насколько позволяла задняя лука седла, и прикрыл лицо рукой, защищаясь от огненных сполохов, исходящих из затянутых багряной пеленой глаз.

Впервые за долгие годы общения, глядя в эти жуткие глаза, чувствуя сковавший тело ужас, Комит – давний друг Данхельта, по-настоящему осознал, можно сказать: «почувствовал на своей шкуре», что давний приятель – не человек, что под оболочкой хорошо знакомого парня скрывается древняя необузданная сущность, а по венам течет кровь могучих фаросских правителей. Правителей, отстоявших независимость своего государства в страшных войнах древности, стиравших с лица земли могущественные империи и уничтожавших под корень целые народы. Фарос выстоял... Выстоял, залив свои границы реками крови, своей и чужой крови. И пускай сейчас он уже далеко не тот, что был раньше, пускай нынче его территория составит хорошо если четверть от былой. Пускай жадные соседи упоенно бряцают оружием у границ независимого герцогства, а столичные дворяне азартно делят посты и привилегии, дорвавшись до власти после гибели старого правителя и его супруги и не обращая внимания на молодых наследников. Но старинный стяг, ввергавший врагов в ужас, по-прежнему реет над столицей, а пробудившаяся в Данхельте – чему Комит только что был свидетелем, – кровь неистовых крылатых властителей поможет герцогству выстоять и теперь.

И, пожалуй, только сейчас Комит засомневался... Засомневался, взглянув в эти горящие багряным пламенем глаза... Засомневался, что неоднократно просчитанный план, надежный, как казалось до этого дня, план приведет к успеху, но... Менять что-либо было уже поздно. Или еще нет? Сменить сторону? Он искоса глянул в глаза старого приятеля и, не выдержав

---

¹ *Данхельт Тормахилласт-Амиресса Фаросс* – полное имя дракона, где: Данхельт – собственное имя дракона, данное ему при рождении; Тормахилласт – имя отца; Амиресса – имя матери. У всех драконов и дракониц, при полном именовании, имена родителей пишутся через дефис. Иногда после имен родителей ставится имя дракона, занимавшегося, в случае гибели родителей молодого дракона или по какой другой причине, воспитанием и обучением юного сородича – «ставил на крыло», по выражению драконов. Фаросс – родовое имя. Далее у Старших следует подвидовое имя, указывающее на цветовые и другие сопутствующие особенности особи. Например, такие имена, как: Золотой, Черный, Красный, Изумрудный, Сапфировый, указывающие на то, что особь относится к тому или иному подвиду, унаследовав присущие этому подвиду признаки от родителей, либо, если они относились к разным цветовым подвидам, от одного из них, так как при брачном союзе разноцветовых драконов смешивания подвидовых особенностей родителей у дракончиков не происходит. У Младших – к числу которых относится и Дан – подвидовое имя дается только после инициации. У многих драконов в зрелом возрасте появляется еще одно имя, как правило, отражающее его внутреннюю сущность или характер. С точки зрения людей, это даже не имя, а прозвище. (Здесь и далее – прим. авт.)

² *Рогатина* – охотничье копьё с длинным обоюдоострым наконечником.

отблесков огня в глазницах сына погибшего герцога, выдающих с головой его нечеловеческую сущность, отвернулся. Поздно. Можно только следовать плану и... молиться.

– Ваше величество³... – решил вмешаться один из спутников.

Двое других, поблескивающие остроконечными коническими шлемами и переливами кольчуг из-под расстегнутых курток с гербами фаросских гвардейских стрелков⁴, переглянулись и синхронно подали своих коней назад, не желая быть втянутыми в дворянские склоки. Их дело мечами махать да из луков стрелять, а уж благородные господа сами как-нибудь разберутся. Да и чего уж тут скрывать – пугали их пылающие багрянцем глаза маркиза Фаросс.

– Пока еще не величество, Ростер, – оборвал Данхельт говорившего.

– Как вам будет угодно, ваше ве... высочество, – неуклюже поклонился в седле пожилой располневший мужчина. Он буквально затылком чувствовал бешеный взгляд маркиза и мысленно клял себя распоследними словами за вмешательство. Ну, не убил бы Данхельт своего старого приятеля. А и убил бы – невелика потеря! Своя голова дороже! Так думал Ростер, не решаясь поднять глаза, лишь повторил: – Как вам будет угодно.

Но Данхельт уже не слушал его сбивчивых оправданий. Он обессиленно покачнулся в седле и вынужден был ухватиться за гриву коня, чтобы не упасть. Со всхлипом втянул воздух сквозь плотно сжатые зубы – голову словно стянуло пылающим обручем, бешено забила жилка на виске.

Его спутники увидели, как он прикрыл глаза и сжал голову ладонями. Замер на некоторое время. Замерли и они, не зная, что предпринять. Ждать? Попытаться помочь? А может, следует развернуть коней и скакать без оглядки?

И тут Данхельт открыл глаза. Привычные светло-голубые глаза с сапфировым оттенком. Драконья сущность, проявив себя – надо признать очень эффектно проявив, – спряталась где-то глубоко внутри, уютно свернувшись клубочком, и мягко пульсировала в такт биению сердца. Заснула.

Выглядел Данхельт немного ошарашенным и уставшим, словно весь день размахивал тяжелым учебным мечом. Он обежал взглядом немногочисленных спутников. Встретился взглядом с приятелем. Комит вновь принял вид беспечного раздолбая и весельчака, только в глубине глаз проскальзывала растерянность и... Виноватость?! Дан удивился. Он смутно помнил все произошедшее после того, как, преследуя матерого кабана, влетел в заросли и, вылетев на полянку, понял, что добыча – ушла. Поднявшееся откуда-то изнутри бешенство опалило сердце и все вокруг затянуло багровой дымкой. А когда Комит попытался его успокоить... Скорее уж, это Дану нужно чувствовать себя виноватым. Он перевел взгляд левее – Ростер в ответ чуть смущенно улыбнулся. Дальше... Двое солдат возле самых кустов. Дальше... Больше никого не увидев, Данхельт недоуменно хмыкнул. Не было Тханга. Отсутствовал также присоединившийся к их компании граф Альтин, но как раз в этом не было ничего удивительного – старина Эрно никогда не любил охоту и вполне мог отправиться по своим делам, не поставив в известность юного маркиза. Но не Рах, ставший за последние три года второй тенью Данхельта. Часто это вызывало у Дана раздражение, но Тханг продолжал невозмутимо следовать за ним по пятам, выполняя приказ герцога. Стоически сносил и возмущенные возгласы маркиза, и злые шуточки Комита, и презрительные смешки придворных. И вот сейчас, наверное, впервые

---

³ *Ваше величество* – обращение к правителю; *ваше высочество* – к наследникам престола; по отношению к графам, герцогам и маркизам используется обращение *ваша светлость*; к баронам и виконтам – *ваша милость*. Часто эти обращения пишутся не с заглавных, а с прописных букв, но чтобы избежать путаницы, автор будет придерживаться правил написания, принятых в Фаросском герцогстве и соседних странах.

⁴ Фаросская гвардия состоит из двух отрядов: гвардейских стрелков, где даже офицерами часто служат люди недворянского происхождения, так как лук, по мнению большинства дворян, является «подлым» оружием, и гвардейской тяжелой кавалерии – привилегированном подразделении, где даже низшие командные должности занимают дворяне. Желающих устроиться на теплое местечко в элитном подразделении очень много, и в ход идут всевозможные интриги и подкупы. Как правило, эти должности занимают младшие сыновья и другие родственники столичных дворян.

зеленокожего громилы не было поблизости, и это вызывало у Дана странный дискомфорт, как вызывает у любого человека отсутствие чего-то привычного.

– Где Рах?

– Лошадь захромала, милорд, – откликнулся один из гвардейцев.

– Найди его.

– Да, милорд, – солдат коротко поклонился и, пригнувшись, чтобы сберечь глаза от хлещущих веток, прищипорил коня.

Проводив взглядом воина, наследник престола обернулся к терпеливо ожидающим остальным спутникам:

– Какие предложения, господа? Раз уж с охотой нам сегодня не повезло.

– Ну, еще не вечер, Дан, – несколько развязным тоном давнего сотоварища и собутельника панибратски произнес Комит. Он уже отошел от недавнего страха и держался так, словно ничего не случилось, мол: погорячился немного наш маркиз, так то дело житейское, кровь у него такая... горячая.

– Исключительно так! Разве в лесу перевелась дичь? А уж такой великий охотник, как ваше высочество, никогда не останется с пустыми руками! – подхватил ободрившийся Ростер. – Разве может мелкая неудача... Какая неудача?! – от избытка эмоций он начал даже жестикулировать для выразительности. – Случайность! Конечно же случайность...

Комит удивленно на него покосился и тронул коня в сторону, отодвигаясь подальше, чтобы не оглохнуть от восторженных воплей. Даже молчаливый гвардеец, за всю охоту не сказавший и пары слов, посмотрел на Ростера с недоумением.

– ...лучшее копьё герцогства Фаросс...

– Кхм-м-м!

– Милорд?

– Хватит слов, сэр Ростер, вы так последнее зверье распугаете... Если уже не распугали, – произнес Дан хельт Фаросс.

Последняя фраза прозвучала еле слышно, но тем не менее была услышана. Сэр Ростер поперхнулся словами и только беззвучно открывал и закрывал рот, словно рыба, вытасченная на берег. Глаза его выпучились, готовые выскочить из орбит, а пухлое лицо с отвисшими щеками налилось кровью и побагровело. Комит фыркнул, пытаясь удержать рвущийся смех. Даже невозмутимый гвардеец наклонил голову, чтобы скрыть улыбку.

– Как я уже говорил, охота сегодня не удалась и вряд ли удастся.

– Благодаря слишком громкоговосому сэру Ростеру, – вставил Комит.

– Ва... ва... ва... – от возмущения Ростера заклинило.

– А значит, – невозмутимо продолжил Данхельт, – возвращаемся в город.

– Трубить сбор?

Данхельт Фаррос прислушался. Лес был полон звуков. Где-то вдали слышались азартные крики – видимо, кому-то другому повезло больше, чем им. Задорно пропел охотничий рожок. Ему откликнулся второй. С юга донесся топот многочисленных копыт, гиканье всадников и ржание коней – крупный отряд преследовал добычу.

– Не будем портить веселье, пусть развлекаются.

– Едем сейчас? – в интонациях старого друга Данхельту послышалась смесь раздражения и облегчения.

Комит тронул поводья, поворачивая коня.

– погоди, – наследник престола останавливающе приподнял руку. – Дождемся Тханга. Впрочем, если хотите, можете оставаться, неволить не буду.

– Ну уж нет, – возмутился Комит. – Сам, значит, возвращаться надумал, а друга готов оставить на растерзание диким зверям. Я с тобой поеду. Предпочитаю другую, более интересную, охоту. Тем более что среди придворных дам появилось несколько новеньких. Свет-

ленькие, темненькие... На любой вкус. Присоединяйся! Куда там каким-то жалким вепрям и оленям. Вот она настоящая добыча! Поддержишь свою славу, – тут он довольно похоже спародировал сэра Ростера, – лучшего «копья» герцогства Фаросс.

Данхельт расхохотался.

Ростер обиженно надулся.

– Может, проедемся до ручья? – неожиданно предложил Комит таким тоном, словно после долгих метаний принял для себя какое-то решение.

Дан снова удивился, но решил ни о чем не спрашивать приятеля, списав все на последствия своей недавней вспышки ярости. Только спросил, посмеиваясь:

– Ручья? А вино во фляге у тебя уже кончилось?

– Да нет. Умыться хочу, а то всех дам по приезду распугаю.

Дан, глядя на приятеля, вынужден был признать его правоту. Вид был еще тот. Какое уж тут соблазнение? Лицо Комита было темным от пыли. Вернее, полосатым, там, где пот прочертил светлые полосы. Как у кота. Когда-то лихо подкрученные усики уныло обвисли, покрывшись слоем пыли, и теперь были похожи на свисающие от ноздрей длинные серые мышинные хвостики.

Посмотреть на себя со стороны Данхельт не мог, но не сомневался, что выглядит ничуть не лучше.

– Пошли, – согласился он, прыгивая с коня. – А то и впрямь распугаешь.

– Ох, еще одной сорванной охоты я не выдержу. Мое бедное сердечко... – Комит прижал руку к сердцу и картинно закатил глаза. – Ты сказал «пошли»?

– Можешь ехать, если коня запалить хочешь.

И уже гвардейцу, вручая поводья:

– Дождись Тханга – потом к нам.

– Господин?! – впервые за всю поездку.

– Выполняй приказ!

Гвардеец хотел возразить – оставить без охраны наследника престола? – такой поворот ему совсем не нравился, но въевшаяся в кровь дисциплина и недавние события перевесили, отбив охоту протестовать:

– Слушаюсь!

– Он же не один, – успокаивающе сказал Комит, также спешиваясь. – Что тут может случиться?

Тот нахмурился, не зная, что тут можно сказать, но в душе был несогласен с такой безответственностью. Эх, если бы не приказ! Или Рах был здесь! Уж этого безбашенного орка никакой яростью не напугать.

Сэр Ростер тяжело слез с коня. Растерянно потоптался. Потом, приняв решение, торопливо сунул поводья гвардейцу и грузно зашагал, переваливаясь с боку на бок, вслед за более молодыми и резвыми спутниками, уже скрывшимися в зарослях...

Даже самый внимательный взгляд, скользнув по кустам, росшим на берегах лесного ручья, спокойно проследовал бы дальше, не обнаружив укрывшуюся в глубине зарослей фигурку – уж слишком опытен и осторожен был засевавший в засаде. Что совсем неудивительно – дилетанту никогда не доверили бы нынешнее задание. Конклав предпочитал не рисковать зазря и делал ставку на профессионалов, причем наемников использовал очень редко и только в разовых операциях. Зачем посвящать посторонних в свои дела? Сегодня он на твоей стороне, а завтра? Предпочтение отдавали своим, верность которых не вызывала сомнения. Таким как Ленотполуэльф. Из озлобленного на весь мир полукровки наставники создали настоящего убийцу: осторожного, терпеливого и в то же время дерзкого, а также, что не менее важно, преданного делу Конклава всей душой...

– Их время проходит, – говорил наставник с фанатичным блеском в глазах, расхаживая взад и вперед перед строем молодых адептов храма, и Ленот был полностью с ним согласен. – Рано или поздно мы должны будем заявить о том, что больше не станем мириться с их вмешательством в людские дела. Хватит! С ними нельзя договориться: они отрицают дарованное Конклаву самим Всеотцом право вести верующих за собой. Немногочисленные храмы на их землях не имеют никакого влияния на принимаемые решения. Все они – и эльфы и драконы – вместо того чтобы задуматься о своей душе – больше думают о своих телах.

– Значит, война, наставник?

– Война? Нет, открытую войну мы вести не можем, но и сидеть сложа руки... Будем, по необходимости, устраивать провокации, стравливать наших врагов друг с другом, бить из засады. Тайная война может быть не менее эффективной, чем открытые боестолкновения. Мир должен принадлежать верным последователям Всеотца. Мир должен принадлежать людям!

– А такие, как я?

Наставник резко остановился и, внимательно посмотрев в глаза задавшего вопрос полужельфа, спросил:

– А кем ты себя чувствуешь?

– Человеком!

– Вот и ответ на твой вопрос, – кивнул наставник.

– Я – человек, – чуть шевельнулись губы сидящего в засаде.

Длинная светлая прядь волос выскользнула из-под низко надвинутого капюшона и упала на глаза. Ленот подчеркнуто аккуратно, не делая резких движений, убрал правую руку с тетивы и заправил ее за ухо. Чуть заостренное ухо. Не такое, как у эльфов – больше похожее на альвийское. Его самого часто принимали за альва, что служило источником вечного недовольства младших сородичей эльфов. Как же, перепутать чистокровного альва с каким-то ублюдком! Полукровкой! Что может быть унижительней?!

Ленота не задевало ни их презрение, ни их возмущение. Он им наслаждался. Альвам было далеко до своих родственников. Эльфы, утонченные эльфы не опускались даже до презрения – для них он был пустым местом, мелочью, не стоящей внимания, ошибкой природы, незначительным последствием развлечений сородича. И никогда не звали по имени, если какая-либо причина все же заставляла снизойти до Ленота – только бастардом.

«Что ж, надменные гордецы, однажды вам придется заплатить за всё! – он ласково погладил длинными тонкими пальцами теплое дерево лука. – Стрела из лука бастарда убивает ничуть не хуже стрелы чистокровного эльфа, когда-нибудь вы в этом убедитесь, так же как убедились уже многие. Так же как скоро об этом узнает и мерзкое отродье драконов».

Да, Фаросское герцогство вызывало у священников особое возмущение. Если большинство здравомыслящих членов Конклава вполне могли смириться с существованием драконов как вида – разумеется, до тех пор, пока они сидят на своем острове и не лезут в чужие дела, – то против Фаросса они выступали единым фронтом с самыми фанатичными последователями веры. Как же! Фаросское герцогство – это не уединенный остров где-то на окраинах обитаемого мира, пусть и довольно большой. Нет, Фаросс лежит чуть ли не в самом центре людских государств. И что же, оставить такую стратегически важную территорию без своего контроля?! Позволить фаросским драконам принимать к себе всех желающих? Позволить обрести защиту тем преступникам, отступникам и еретикам, что только по какому-то капризу Всеотца избежали справедливого воздаяния за дела свои? Позволить, чтобы в государстве, где большинство жителей люди, правил дракон?! Ну и последняя, но не менее важная причина – деньги! Драконы-герцоги отнюдь не бедствуют. Вот только не горят желанием уделить Конклаву даже малой толики своих богатств. А ведь десятина с таких богатых земель могла очень сильно помочь священникам в осуществлении планов! А богатые пожертвования, а завещания и дарственные земель и другой собственности – все это вообще запрещено!

Ленот замер, заслышав треск кустов на другой стороне ручья. Тонкий слух помог различить звук шагов и приглушенные ругательства. Цель?! Хищная ухмылка скользнула по красивым губам.

На противоположной стороне ручья появились двое. Один присел на корточки и, зачерпнув воды сложенными лодочкой ладонями, поднес к губам. Сделал пару небольших глотков. Остатки плеснул на лицо. Рассмеялся. Второй что-то буркнул себе под нос, потирая уже начинающую припухать щеку, на которой отпечаталась красная полоса – след отпругившейся со всего размаха ветви. Голос его показался знакомым, а уж когда он убрал от лица руку и бросил выразительный взгляд на другую сторону ручья, где укрывался Ленот, – отпали всякие сомнения. Убийца его узнал. Узнал и второго – сложно не узнать цель.

Полуэльф медленно потянул тетиву...

...Сэр Ростер с трудом продрался сквозь заросли – не так-то легко человеку его возраста и телосложения поспеть за молодыми, полными сил парнями – и чуть не уткнулся носом в спину Комита. Хорошо, успел вовремя затормозить. Обернувшийся на шум Комит вежливо посторонился, пропуская его к ручью. Поддержал за локоть, когда тот оступился. Ростер хотел поблагодарить за помощь, когда что-то быстрое и блестящее мелькнуло перед глазами и кольнуло в шею. Сразу стало трудно дышать, с каждым вздохом раздавались какие-то странные хрипяще-свистящие звуки. Все вокруг закружилось.

Комит отпустил Ростера и метнулся вперед, целясь окровавленным кинжалом в спину сидящего у ручья Дана.

Неизвестно, что заставило того обернуться. Предсмертный хрип Ростера? Стук упавшего тела? Сработала интуиция? Данхельт повернулся в тот момент, когда Комит с дикими глазами, оскалившись, с размаху нанес удар. Кинжал, нацеленный в спину, попал в грудь, погружившись в тело по рукоять, лезвие змеей проскользнуло между ребер, пробив легкое. Выдернув из раны оружие, Комит нанес новый удар... Хотел нанести... На пол-пути окровавленный кинжал замер в воздухе, перехваченный маркизом. Никаких удивленных возгласов – «За что?! Почему?! Как ты мог?!» – так любимых театральными постановщиками, не было. Опытный, не смотря на юный возраст, воин молча боролся с предателем, не тратя остатки сил на пустые сотрясения воздуха. Крепко, словно тисками, сжал запястье, выворачивая противнику руку.

Комит завыл, со страхом глядя в застывшее в напряжении лицо бывшего друга. Покрытая темным загаром кожа Дана пошла волнами и начала медленно бледнеть, постепенно становясь бледно-голубого оттенка. Огрубевшая кожа больше напоминала чешую. Череп сминался и деформировался, одновременно увеличиваясь в размерах. Голова начала лысеть, волосы, редая, как будто втягивались внутрь. Надбровные дуги стали более массивными, нависли над глазами, прикрывая увеличившиеся в размерах глазницы. Вытянулись вперед челюсти. Губы истончились, рот растянулся, выставив на обозрение хищно заточенные, клиновидные зубы. Лицо преобразилось в страшную гротескную морду. Но изменения коснулись не только лица. Грудная клетка раздулась. Удлинилась шея. Кисти рук, также покрывшиеся чешуей, с искривленными суставами и длинными острыми когтями, больше напоминали лапы. Одежда на спине, там, где у обычного человека находятся лопатки, натянулась двумя горбами. Рост увеличился – теперь Данхельт на две головы возвышался над испуганным врагом...

...Стрела отправилась в полет...

Хрустнула рука с оружием, зажатая в огромной лапе, и кинжал выскользнул из разжавшихся пальцев. Другая конечность маркиза стремительно метнулась вперед со скоростью атакующей змеи и почти полностью накрыла Комиту лицо. Когти с легкостью проткнули кожу, и по его щекам потекли кровавые ручейки вперемешку со слезами.

...Отточенный наконечник стрелы, изукрашенной рунами, коснулся затылка Дана, вминая и раскалывая чешую...

Комит уже прощался с жизнью, когда железная хватка, грозящая раздавить череп вмятку, внезапно ослабла. Отскочив назад, он смахнул кровь здоровой рукой и увидел торчащее из горла маркиза хищное жало стрелы. Тот еще был жив и упрямо продолжал тянуть к противнику когти, но остатки сил покинули его, и он с хриплым ревом рухнул вперед, чуть не придавил предателя своей тушей. Комит дернулся в сторону, избегая столкновения. Запнулся за тело Ростера и тоже упал. Со всего размаха прямо на искалеченную руку, да так, что в глазах потемнело.

С трудом поднялся, бережно придерживая сломанную конечность. Подошел к телу бывшего друга и пнул, мстя за страх, боль и кровь. Удар был нанесен с такой, помноженной на злость, силой, что тело маркиза качнулось на бок, обломив древко стрелы, прежде чем упасть обратно.

...С тетивы лука сорвалась новая посланница смерти...

Комит повернулся, собираясь высказать стрелку все, что он о нем думает – это ж надо столько тянуть! – когда вторая стрела, вышибая зубы, ударила в приоткрывшийся для гневного вопля рот.

Ленот поднялся, откинул капюшон и удовлетворенно оглядел безжизненные тела. Цель уничтожена. Информатор – единственный, кто мог выдать убийцу мстителям – тоже. Леноту совсем не улыбалось иметь за спиной разъяренных, идущих по следу драконов. В прямом столкновении с драконами у него не будет ни единого шанса выжить. Да и другие желающие заполучить его голову найдутся. Тайная служба Фаросского герцогства, возглавляемая Эрно Альтином – тоже свой хлеб не даром ест. Конечно, в этот раз они непростительно облажались, но с тем большим усердием они будут рыть землю в поисках убийцы. Ну-ну, дерзайте!

Ленот укрыл сослуживший верную службу лук в складках плаща и набросил на голову капюшон. Гибкая фигура скользнула в заросли, не потревожив ни одного листочка, ни одной веточки, и быстрым шагом направилась прочь от остывающих трупов. Ирония судьбы – предатель рядом с тем, кого предал.

Ленот уходил все дальше и дальше с места убийства, благополучно избегая встречи с нежелаемыми свидетелями, в чем немалое подспорье оказывало эльфийское родство. Душа его ликовала – он смог выполнить задание, а значит – падения ненавистного Конклаву герцогства осталось ждать недолго. И основная заслуга в этом богом угодном деле – его.

Убийца удалился уже очень далеко, когда до его слуха донесся изрядно ослабленный расстоянием крик. И такая всепоглощающая ярость звучала в этом вопле, что Ленот вздрогнул, почувствовав страх, и даже привычное, всегда оказывающее успокаивающее воздействие, прикосновение к луку не помогло побороть его до конца...

Вышедшие к ручью воины замерли на месте, увидев кровавое побоище. Здоровенный орк, как котят отшвырнул их в сторону, и бросился к телам. Тяжелый орог-фальч⁵ в его лапцах обманчиво легко взлетел вверх и с размаху врубился в землю, разбросав во все стороны мелкие осколки камней попавших под удар клинка.

Каменная шрапнель пробороздила несколько длинных, кровавых царапин на щеках орка, но он, казалось, вовсе не почувствовал боли. Упав на колени перед лежавшим лицом вниз

---

⁵ *Орог-фальч* – орочий фальчион. Предназначен для мощных рубящих ударов. Классический фальчион – одноручный меч широкого типа с закругленным расширяющимся к острию лезвием и односторонней заточкой. Используется чаще всего наемными отрядами копейщиков и лучников, а также городской стражей как дополнительное оружие. В отличие от классического, орог-фальч являлся двуручным оружием с лезвием длиной от ста двадцати до ста сорока сантиметров и средним весом в десять-двенадцать килограмм, отдельные экземпляры, выполненные под заказ, доходят до пятнадцати килограмм весом. Используется в основном орками, так как для большинства людей слишком тяжел, чтоб работать им с достаточной эффективностью. Для сравнения: средний вес двуручных, используемых людьми, мечей варьируется от четырех до восьми килограммов.

Данхельтом, умирая принявшим свой привычный облик, Тханг с величайшей осторожностью перевернул его на спину, придерживая, что бы не зацепить обломок стрелы. Глянул в закатившиеся глаза и завыл как зверь, запрокинув лицо к равнодушным небесам. Завыл, выплескивая в бессвязном крике рвущую сердце на куски боль. Завыл так, что неслабые духом воины испуганно отпрянули назад, а кони, взбесившись, рвали поводья из рук и вставали на дыбы.

– Кто-о-о-о?!!

Но разве небеса ответят...

...На Острове Драконов, за многие сотни миль от места событий, лежавший на утесе величественный красный дракон – старейший и мудрейший из всего крылатого племени – склонил гордую голову, отдавая дань памяти погибшему сородичу, и замер, недвижим как скала, только подрагивал длинный кончик хвоста, да из-под горестно опущенных век потекли, переливаясь в солнечных лучах, прозрачные как брильянты слезы...

Старый Эрно Альтин скрипнул зубами, когда судорога скрутила правую руку. Боль была такой сильной, что граф чуть не свалился с коня, выпустив поводья. Молодой, горячий жеребец, не чувствуя больше твердой руки наездника, рванул вперед во весь опор. Двое сопровождавших Эрно подчиненных из Тайной стражи быстро сообразили, что с начальником происходит что-то неладное, и рванули следом. Правый, поравнявшись с конем графа, гибко извернулся и перехватил поводья, вынудив скакуна замедлить бег. Левый поддержал начальника, когда того мотнуло в сторону, едва не выбросив из седла.

Глава Тайной стражи заставил себя выпрямиться в седле, оттолкнул непрошеного помощника и принялся разжимать левой рукой сжавшиеся в кулак пальцы правой. Зрачки расширились, полностью затопив радужку глаз, когда он увидел надетое на палец кольцо.

Крупный красный камень, предмет его тайной гордости (по мнению многих – рубин, а на самом деле – застывшая и впоследствии ограненная талантливым ювелиром капля драконьей крови) сменил цвет на черный.

– Эли?! Дан?! Кто?! – растерянно прохрипел граф.

Замешательство длилось не долго, а сердце подсказало верный ответ. Выхватив из рук подчиненного поводья, он резко, так, что чуть не порвал коню губы, поворотил скакуна назад.

– Может, еще не поздно, – шептал Альтин, наклонившись вперед и немилосердно подгоняя коня...

...Из-под облаков, разорвав веселый крылатый хоровод, вынырнул дракон, стремительно разрезая воздух вытянувшимся в струнку телом. Сделал петлю, отливая стальным блеском чешуек, и издал полный муки крик, подхваченный и многократно повторенный бесчувственным эхом. Взмыл вверх на большой скорости, загребая воздух мощными крыльями. Организм работал на износ при таком стремительном взлете, но дракон рвался все выше и выше, стремясь заглушить горечь потери...

...Стройная девичья фигурка с распущенными по плечам длинными, светлыми как лен волосами, благосклонно внимавшая звонкоголосому менестрелю, вздрогнула и прижала узкую изящную ладошку с нервно подрагивающими тонкими пальчиками к сердцу. Другая рука сжалась на подлокотнике кресла, оставив на лакированной поверхности глубокие следы от ногтей. Большие выразительные глаза светло-голубого оттенка в обрамлении длинных ресниц затуманились слезами. Сдерживая рвущиеся из груди рыдания, красавица вскочила с кресла и стремительно выбежала из залы.

Вихрем пронеслась через анфиладу⁶ комнат, не замечая удивленно смотрящих ей вслед окружающих. Даже зацепившийся на повороте за косяк шлейф не остановил ее. Крепкая ткань не выдержала напора рвущейся вперед девушки. Треск рвущейся материи, и Эливетта бежит дальше, мелькая стройными, покрытыми легким золотистым загаром ножками – развевающиеся позади жалкие обрывки подола роскошного платья еле прикрывают причинное место. На одном дыхании взмыла вверх по лестнице. Чуть не сбила с ног спешащего ей навстречу с обеспокоенным видом дворецкого и, простучав каблучками по коридору, вбежала в свою комнату. Захлопнув дверь, упала на широкую кровать и горько разрыдалась.

Всегда сдержанная драконица, Эливетта Тормахалласт-Амиресса Фаросс, заливалась слезами, свернувшись на постели в клубочек. Девушка самозабвенно рыдала, забыв обо всем. Рыдала, оплакивая гибель брата – как рыдала когда-то, узнав о смерти родителей. Но сейчас было в сотни раз хуже, ведь больше не с кем было разделить боль. Она осталась совсем одна.

ОДНА... Одна... одна...

...А на залитой кровью поляне Тханг медленно поднялся с колен, бережно прижимая к себе тело Данхельта. Замер. В душе его затрепетал маленький огонек надежды, ведь ему показалось, что в безжизненном теле робко и неуверенно стукнуло сердце.

– Коня!

А на земле у его ног валялся обломок стрелы. И никто не догадывался, что эта стрела изменила весь будущий ход событий...

---

⁶ *Анфилада* – ряд комнат, сообщающихся друг с другом дверными проемами, расположенными по одной оси; создает сквозную перспективу интерьеров.

Глава 1

На широком зеленом лугу привольно раскинулся шумный палаточный городок. Там бесцельно, на сторонний взгляд, бродили туда-сюда люди, лавируя по уже протоптанному в траве кривым тропкам промеж расположенных в видимом беспорядке палаток. Веселилась, сбившись в стайки, молодежь: заливисто смеялись девчонки, подначивали друг друга парни, со всех сторон сыпались задорные шутки. Зрелые мужики о чем-то спорили, как малые дети – громко, самозабвенно, до хрипоты в голосе. Тут же мирились, чтоб уже через минуту затеять новый спор. Гремело и лязгало железо. Блестели лезвия топоров и мечей, покачивались на цепочках увесистые гири кистеней, топорщились во все стороны шипами моргенштерны. Сверкали на солнце начищенные до блеска самые разные шлемы: конические, плоские, округлые; усиленные забралами, бармицами и полумасками; с гребнями и полями. Неменьшим было и разнообразие доспехов. Кольчуга здесь соседствовала с наборным пластинчатым панцирем, а стальная кираса с простой стеганой курткой-ватником.

На свободном от палаток пятачке кружили двое мужчин в гроверных кольчугах и, то атакуя, то уходя в оборону, азартно рубились на затупленных мечах. Уклонялись, отскакивали, то и дело смахивая рукавом льющийся по лицу пот, подставляли под молодецкий замах крепкие щиты, тут же переходя в контратаку и норовя достать противника хоть кончиком клинка, а если повезет – шарахнуть плащом по шлему. Их окружала галдящая толпа, раздражавшаяся восторженными возгласами при каждом удачном выпаде.

Чуть в стороне, искоса поглядывая на веселящихся, о чем-то договаривались, собравшись в кружок, предводители. Наконец, после длительных обсуждений и не менее длительных препирательств, пришли к согласию. Один из них, в округлом шлеме, украшенном ярким гребнем, и с коротким клинком в ножнах у пояса, недовольно покривился, но, видя редкое единогласие остальных, вынужден был уступить. Раздраженно плюнув себе под ноги, он резко развернулся, так, что взметнувшийся за плечами ярко-красный плащ гулко хлестнул по воздуху, и размахисто зашагал прочь.

– Ну что, начнем? – спросил один, посмотрев вслед уходящему.

Все как по команде подняли головы к небу, взглянув на стоявшее в зените солнце.

– Давай, а то до темноты не успеем разыграть. Сами знаете, что пока всех соберешь, пока то, пока это – можно и до вечера дотянуть. – согласился Аркадий, еще крепкий, плечистый, но уже изрядно обрюзгший мужчина с заметно выпиравшим пивным брюшком. Длинные, упрятанные под разрисованную бандану волосы и окладистая борода делали его похожим не на преуспевающего бизнесмена, совладельца солидной и уважаемой в городе фирмы, а на байкера – большого любителя мотоциклов, крепких спиртных напитков и полногрудых длинноногих девиц.

Остальные, переглянувшись, вынуждены были с ним согласиться.

– Так что, Серега, Леха, давайте сейчас к своим, – продолжал он. – И выходите из лагеря. Я – тоже. Влад с Сашкой здесь останутся – лагерь оборонять будут.

– Не передумает? – кивком указал на мелькавшее среди палаток яркое пятно плаща Алексей – приземистый мужичок в помятой и поцарапанной кирасе.

– Не должен, – откликнулся рослый Влад, опираясь на укороченный бердыш. Рядом с низеньким темноволосым Алексеем он смотрелся настоящим белокурым великаном, возвышаясь над тем на две головы. – Не первый раз уже пересекаемся.

– И чего взбрыкивает? – прогудел мускулистый бритоголовый крепыш в кожаной безрукавке, надетой на голое тело.

Он заложил за спину мощные руки и упруго качнулся несколько раз ногами, перекатываясь с носка на пятку. Тяжелая нижняя челюсть, кажется, способная поспорить своей мас-

сивностью с ковшом экскаватора, методично двигалась, перетирая жевательную резинку. На широком, украшенном заклепками поясе покачивалась в такт движениям тела тяжелая стальная гири́ка кистеня.

– Он терпеть не может, когда вспоминают сражение при Каннах, – рассмеялся Влад. – Как же! Самое известное поражение его любимых римских войск.

Ему это как серпом по одному месту...

– Чего?

– Как серпом по яйцам. Так понятней?

Усмехнувшийся Алексей добавил:

– Уникальную операцию и без всякого наркоза провел бультерьер Кузя, и теперь у него не хозяин, а хозяйка.

Все весело расхохотались. Громко и бесшабашно. Так, как всегда смеются здоровые, полные сил мужчины, словно сбросившие на отдыхе с плеч не только груз повседневных забот, но и прожитые года, снова вернувшись в юношескую пору, когда для смеха не надо было искать особых причин, а самая немудрящая шутка способна была вызывать шквал эмоций.

– Ладно, – заявил распорядившийся, вытирая слезы с раскрасневшегося лица. – Разбегаемся.

Александр, придерживая левой рукой ножны короткого гладуса – классического пехотного меча римского образца, взбежал на небольшой пригорок, отделенный от остального лагеря неким подобием частокола. Возле пустого воротного проема в землю был воткнут шест с деревянным, покрытым слоем лака для сбережения от сырости, наверху, искусно вырезанным резчиком в виде орла с гордо распростертыми крыльями. В центре укрепления вокруг выложенного камнями костра на деревянных лавочках, сделанных из прибитых поверх вкопанных в землю неошкуренных столбиков досок, сидело человек тридцать, молодых и не очень, мужчин и три девушки. Неподалеку стоял прикрытый крышкой котелок, распространявший аппетитные ароматы. Кто-то был пока без доспехов, кто-то уже надел кольчугу или, сделанную в меру своего умения либо финансовых возможностей, лорику Завидев приближавшегося Александра, замолчали и вопросительно на него посмотрели. Кто-то, не выдержав, спросил:

– Ну, что порешали, трибун?⁷

– Лагерь обороняем, – отмахнулся Александр и жалобно взмолился, усаживаясь и придвигая к себе коте лок: – Ребята, давайте все вопросы потом, а?! Подожди те хоть пять минут, а то у сейчас слюной захлебнусь.

Последние слова прозвучали невнятно. Сашка уже вовсю орудовал ложкой, жадно поглощая сваренную с тушенкой гречку. Подъев, он умиротворенно вздохнул и, прихлебывая из кружки горячий крепкий чай, укорил присутствующих тем, что они и без него могли все прекрасно разузнать, если бы побродили по лагерю. В ответ остальные дружно засыпали его уверениями, что он прекрасный командир, что они ему во всем доверяют, что в лагере от них только вреда больше, а те, кто ушел туда, до сих пор еще не вернулись, так что кроме него их больше некому просветить, и вообще, у них столько дел, столько дел... – тут следовал тяжелый, на редкость единодушный и настолько проникновенный вздох сожаления, что расчувствовался бы даже камень, – доспехи, например, поправить или клинки почистить и прочие возражения в том же духе. Так и не отвертевшись, Александр принялся отвечать на сыпавшиеся со всех сторон вопросы.

---

⁷ *Трибун* (лат. *tribunus*) – в данном случае имеется в виду военный трибун. Как правило, эту должность занимали молодые люди из уважаемых патрицианских родов, впервые поступившие на военную службу и желавшие накопить административный опыт и сделать себе имя перед уходом на гражданскую службу или в политику, но были и исключения, желающие прочно связать свою судьбу с армией. По усмотрению легата могли командовать отдельной частью легиона.

Тема исчерпалась довольно быстро. Кто-то посмотрел на часы и, заявив, что просто сидеть и ждать начала у него нет никакого желания, сбегал в палатку и принес гитару. Идея была встречена криками одобрения, но сразу же появилась одна проблема – оказалось, что штатный гитарист отряда, Витек, умудрился порезать палец и играть отказывался. Оставшись без музыки, все приуныли, но тут Сашка вспомнил, что неплохо умеет играть Глеб. О чем во всеуслышание и заявил, повергнув в изумление большую часть сотоварищей – Глеб чаще всего держался от остальных наособицу и редко что-либо о себе рассказывал.

Глеб сидел, привалившись спиной к частоколу. Закрыв глаза, он запрокинул голову вверх, подставляя лицо солнечным лучам. Казалось, что он может просидеть так вечность, в блаженном ничегонеделании. Мысли текли медленно и лениво, а в душе наступило редкое умиротворение. И никакой шум и гам, доносившийся от костра, не мог ему помешать, мозг привычно отключил все посторонние звуки. Идиллия была нарушена только громким криком, из которого встрепенувшееся сознание вычленило его имя:

– Глеб!.. Волков!..

Недоумеая, зачем он вдруг понадобился, Глеб встал, покосился в сторону костра, потер кончиками пальцев застарелый, белесый рваный шрам на щеке, оставленный осколком близко разорвавшейся гранаты, и решил подойти. Его звал Сашка, весельчак и заводила, создатель и бессменный руководитель их отряда исторического фехтования, когда-то чуть ли не силой затащивший Волкова в эту тусовку. За что впоследствии, Глеб был искренне благодарен приятелю. Подойдя к толпе, он хмуро сказал:

– Если кто снова спросит, сколько духов я завалил – дам в лоб.

Предупреждение прозвучало не очень-то вежливо, но Глебу, честно говоря, было на это наплевать. Уж лучше сразу четко обозначить свою позицию, чем потом пожинать плоды собственной деликатности, отвечая на идиотские вопросы.

Александр залиvisto рассмеялся. Ему вторили старожилы клуба, глядя на вытянувшиеся лица новичков:

– Он у нас такая душка...

– Компанейский парень...

– А с людьми-то как сходится...

Глядя на Глеба хитро прищуренными глазами, Сашка широко ухмыльнулся:

– Все такой же, так и не меняешься.

– Постоянство – хорошее качество.

– Сыграй, а, – приятель протянул ему гитару.

Брови Глеба удивленно поползли вверх. Он недоуменно посмотрел на Витьку, на что тот, радостно осклабившись, показал забинтованный палец... Средний?!

Глеб несколько отстраненно поинтересовался, глядя куда-то поверх голов:

– Ты мне так демонстрируешь свое боевое ранение или свое ко мне отношение, – и подмигнул опешившему Витьку, вызвав восторженный рев старожил. В то время как новички, наслушавшиеся он старших товарищей разных баек, настороженно притихли. А Глеб добавил вполголоса, беря в руки гитару: – Не все же вам надо мной подшучивать, массовики-затейники.

Присев на лавочку, он пробежал пальцами по ладам и мягко тронул пальцами струны. Окружающие притихли. Наклонил голову к плечу, прислушиваясь к их звучанию. Недовольно скривился и подтянул один колок, чуть тронул второй. Снова прислушался. Взял на пробу несколько аккордов и удовлетворенно потрянул головой.

– Давай нашу, – попросил Сашка.

Глеб заиграл мелодию и затянул мелодичным на удивление голосом:

Пусть я до срока взят Хароном
И кровь моя досталась псам–...

Все дружно подхватили:

Орел шестого легиона,
Орел шестого легиона,
Орел шестого легиона
Все так же рвется к небесам!

А Глеб продолжал:

Все так же храбр он и беспечен,
И бег его неукротим...

И вновь дружный рев глоток, восполняющий недостаток слуха энтузиазмом:

Пусть век солдата быстротечен,
Пусть век солдата быстротечен,
Пусть век солдата быстротечен,
Но вечен Рим! Но вечен Рим!

Перед мысленным взором игравшего на гитаре Глеба вставали величественные картины прошлого. Грозно маршировали колонны легионеров. Покачивались над рядами, в такт тяжелой поступи бойцов, величественные символы неустрашимых легионов – Орлы. Несмотря на жестокое и кровавое время, в древности все было просто и понятно – есть Вечный Рим и есть его солдаты, заслуживающие всяческого уважения за свой нелегкий и опасный труд. Пусть некоторые представители древних аристократических родов посматривали на солдат свысока – в глазах простых людей легионеры были защитниками и интересов всего Рима вообще и интересов каждого отдельного гражданина в частности. И, что самое главное, никто из сограждан не плевал им в спину с криками: «Убийца!», как часто поступают наши соотечественники с солдатами, побывавшими в «горячих точках», вся вина которых заключается только в том, что они честно выполняли свой гражданский долг, а не «откосили» от армии, обзаведясь липовыми справками или дав «на лапу» в военкомате, как кое-кто из их обвинителей. И становится горько от несправедливых упреков! И не хочется на 23 февраля надевать в честь праздника ни военную форму, ни, если они имеются, ордена и медали. И когда в кругу малознакомых людей заходит разговор об армейской службе, скрываешь правду, словно совершил что-то постыдное.

А при сравнении отношения к армии и военным служащим как обывателей, так и политиков всех рангов сейчас и в прошлом, сравнение это выходит, увы, не в пользу нынешнего времени. И невольно хочется повернуть время вспять и оказаться в рядах лихих викингов, отряде отважных рыцарей в сверкающих полных латах, среди закованной в броню боярской русской конницы, идти в штыковую с Преображенским полком или грозно шагать в рядах легиона. Ах, легион – воплощение дисциплины, порядка и доблести!

Ровные шеренги щитов-скутумов, аккуратные прямоугольники когорт, красные гребни центурионов, и над всем этим великолепием парит золотой Орел.

Под палестинским знойным небом,
В сирийских шумных городах,
Предупреждение «quos ego»,
Предупреждение «quos ego»,
Предупреждение «quos ego»,

Заставит дрогнуть дух врага!

Давно покинули лагерь одноклубники Аркадия. Следом за ними подались Сергеевы, воинственно помахивая оружием и распевая что-то донельзя похабное, то и дело прерываемое громким хохотом, мощно перекрывающим звон доспехов и негромкие реплики остающихся. Собрал своих и Алексей. Немногочисленные Сашкины «римляне» отправились на холм с орлом. Лагерь опустел на три четверти и непривычно затих. Только из-за огороженных частоколом палаток приверженцев римской армии, по-прежнему бравурно, доносилось:

Пот, кровь и слезы нам не в тягость.
На раны плюй – не до того!
Пусть даст приказ Тиберий Август,
Пусть даст приказ Тиберий Август,
Пусть даст приказ Тиберий Август –
Мы с честью выполним его!

Облачились в доспехи соратники Владислава и, возглавляемые своим предводителем в рогатом шлеме и с бердышом на плече, нестройной толпой потопали вверх по склону. Вошли в ворота. Кто-то попробовал качнуть вкопанную в землю жердину и, убедившись, что, несмотря на скромные размеры частокола, работа сделана на совесть, отступился сконфуженно. Кто-то засмеялся над ним, кто-то, давясь смехом, нарек его «Грозным воителем, повергающим ниц все встреченные на пути заборы с сотой попытки», другой весело проорал, что за такое великое прозвище нужно достойно отдариться. Влад шикнул на насмешников, чтоб умолкли, и направился к Александру. Тот шепотом попросил его чуть-чуть подождать, во время Глебовых:

Сожжен в песках Ерусалима,
В волнах Евфрата закален,

И проорал вместе с остальными заключительные слова песни:

В честь императора и Рима,
В честь императора и Рима,
В честь императора и Рима,
Шестой шагает Легион!

Раздались одобрительные возгласы пришедших. Полетел лихой посвист, кто-то показал большой палец. Вскинулось вверх несколько сжатых кулаков.

– Лихо! – Влад плюхнулся на лавку рядом с Глебом и дружески толкнул его плечом.

Он уважал Глеба и раньше, после того, как тот однажды на сборах, выведенный из себя насмешками и подначками, вызвал Влада на поединок без оружия и заломал в борьбе своего более рослого и сильного противника. Тогда он не затаил обиду на победителя, а, наоборот, проникнулся расположением, переросшим во взаимную симпатию и уважение после посиделок у вечернего костра, сопровождавшихся обильным принятием горячительных напитков. Теперь же он убедился, что его знакомый силен не только в борьбе, но и обладает другими полезными умениями. Александровы одноклубники потеснились на скамьях, давая место остальным новоприбывшим.

Ветераны предыдущих сборов начали вспоминать общих знакомых по прошлым играм и со вкусом разбирать разыгранные сражения. Влад перехватил у Глеба гитару и заиграл какую-то веселую мелодию, выдав мастерски исполненное соло. Девчонки восторженно завизжали...

В общем, веселились как могли, но Сашка не дал своим долго рассиживать и погнал бездоспешных за снаряжением.

– Стройся! – прозвучала минут через десять команда.

Опытные соклубники построились быстро и уверенно, а вот новички замешкались и им пришлось помогать.

– Центурионы!⁸

Из общих рядов выдвинулись Антон, Глеб и Витек. Александр произнес медленно, словно чеканя каждое слово:

– В следующий раз с вас спрошу. Мы непобедимая римская армия – краса и гордость Великого Рима!

Мы – олицетворение светлого римского порядка в ха осе варварства. – В рядах новичков кто-то сдавленно хихикнул над пафосными словами и получил от соседа тычок под ребра. Остальные внимали речи предводителя с одобрением, полностью погрузившись в игровую реальность. – Победа будет за нами! Нале-е-ево!..

Ша-а-агом марш!

Увы, получилось все не так красиво, как задумывалось. Вместо слитного, внушающего дрожь своим единством, поворота, получились разрозненные, дерганные, неуклюжие движения. Кто-то зацепил при повороте своим копьём соседа, кто-то сцепился щитами или наступил другому на ногу. Сашка раздраженно дернул щекой и покосился в сторону Владиславовых бойцов, ожидая насмешек, но те если и посмеивались, то не в полный голос. Кто ж виноват, что половина «римлян» присоединилась к клубу любителей старины совсем недавно и еще не успели освоить основы перестроения.

Так они и спускались с холма: беспорядочная толпа Владовых и то и дело распадающийся строй Сашкиных игровиков.

– Минуты три осталось, может, пять, – сказал Владу подбежавший молодой парнишка, такой же светлоголовый и со схожими чертами лица. – Они уже выступать собирались.

– Молодец, братишка! – похвалил он паренька и добавил, повернувшись к остальным: – Скоро мы им покажем!

В ответ раздались радостные крики. Отделившись от одноклубников, Александр догнал Влада и зашагал рядом. Они стали негромко переговариваться на ходу. Вскоре раздалась громкая, на два голоса команда:

– Стой!

Не дожидаясь дополнительных указаний, ветераны исторических игр раздались в стороны, чтоб не мешать друг другу, и принялись еще раз проверять снаряжение. Глядя на них, тем же занялись и новички, старательно или не очень, подражая сноровистым действиям старших товарищей. Приседали, делали наклоны, подпрыгивали, проверяя подгонку брони, просили приятелей подтянуть или, наоборот, ослабить ремни доспехов. Делали пробные выпады оружием, разминая мышцы. Некоторые, проверив по-быстрому подгонку снаряжения, не стали утруждать себя разминкой, а принялись наблюдать за действиями товарищей, усевшись на брошенные на землю щиты...

Из перелеска показались ряды нападающих: мелькали прямоугольные кресты на плащах и накидках Лехиных «рыцарей», снаряжение бойцов Аркадия имитировало древнерусские доспехи, устрашающе ревели разрисованные синей, зеленой и красной краской Серегины «варвары», размахивая над головой оружием.

Сашка с Владом построили своих в несколько рядов и приготовились обороняться. Первыми в атаку устремились дико вопящие «варвары», следом двинулись остальные. Миг-другой

---

⁸ *Центурион* или *кентурион* (лат. centurio; centurionis) – офицер младшего командного состава легиона, командующий центурией (кентурией), военным подразделением римской армии, численностью в 80–100 человек.

и вал Серегинных воинов, захлестнул ряды обороняющихся. Под бешеным напором строй дрогнул и прогнулся, но выстоял. В одном месте, там, где стояли новички, строй лопнул, когда орущий варвар с разгона, всем своим весом, налег на выставленные щиты и сбил двоих обороняющихся с ног. Сбил, но воспользоваться полученным преимуществом атакующие не успели – Глеб шагнул вперед, закрывая прореху в рядах. Уверенно принял удар на большой крепкий skutum, подпер плечом, когда противник попытался повторить удар с разбега, и резко двинул щитом вперед, отбросив неприятеля назад. Тут же двинул мечом с замотанным тканью лезвием, чтобы случайно не нанести рану, в открывшийся бок следующего врага.

Не добившись успеха, «варвары» откатились назад, открывая дорогу союзникам, и противники свежими силами навалились на ряды оборонявшихся. Ор поднялся над местом сражения. Потери понесли обе стороны. Кто-то заорал и затряс в воздухе рукой, выпустив рукоять меча, когда получил удар по пальцам. Кто-то получил хороший удар по шлему и присел на корточки, обхватив голову руками в попытке унять звон в ушах. Кому-то крепко въехали рукоятью по зубам. Другому сломали нос, и он крутился на одном месте, разбрызгивая кровь во все стороны. Пинки, толчки и удары по неплохо защищенным доспехами телам в счет не шли.

Жестоко? Возможно. Но разве любой спорт не опасен? Сколько травм у велосипедистов, бегунов, лыжников. Даже если исключить из этого списка профессиональных спортсменов – немало выйдет. А обычный дворовый футбол? Вывихи, растяжения, сотрясение – перечислять можно до бесконечности. Тренажерные залы и фитнес-клубы тоже вносят свой посильный вклад в этот список. И выходит, что сборы любителей исторического фехтования не опаснее других видов активного отдыха. Желающие не рисковать могут сидеть дома. Или играть в шахматы...

Под натиском свежих сил строй рассыпался, и бой перерос во множество поединков, и если бойцы Владислава, чувствовавшие себя в этой беспорядочной свалке в своей стихии, ни в чем не уступали поединщикам атакующих, то потерявшие строй «римляне», в большинстве своем, не смогли оказать достойный отпор. Только небольшой отряд, состоящий из трех центурионов, трибуна и еще нескольких старожиллов клуба, смог удержать строй, яростно отбивая все попытки противников разметать их ряды, с целью навязать индивидуальные поединки.

Глеб, отразив натиск противника, бросил короткий взгляд в сторону Влада, завистливо присвистнув. В индивидуальном владении холодным оружием тому не было равных. Белокурый богатырь в кольчуге волчком крутился в толпе врагов, успешно защищаясь тяжелым бердышом. Атакующие осторожничали, не желая лезть к нему под удар. Вот Влад поднырнул под одного из противников и перебросил его через себя, чиркнул упрятым в кожаный чехол лезвием по груди другого, а древком двинул под дых следующего.

Засмотревшись, Волков не успел вовремя отразить удар, и откачнувшийся щит ударил его в скулу. Почувствовавшие слабость противники тотчас дружно на него навалились. Зашипев от боли, он еле успел отмахнуться от второго, но безнадежно отставая от третьего. Согнулся от сильного удара в живот и чуть не выпал из строя, но выручил Витек, перехвативший следующую атаку, а Сашка прикрыл с другой стороны.

– Спасибо, ребята, – сказал Глеб, отдышавшись.

– Да, ладно. Сочтемся, – откликнулся Витек.

В этот раз они удержали целостность строя, но вскоре усилия противников увенчались успехом, и последние «римляне» оказались отрезаны друг от друга и были вынуждены биться поодиночке, но их сминали одного за другим. Глеб еще держался, но только за счет навыков рукопашника – в клубе они больше тренировали умение сражаться в строю, а не одиночное фехтование, больше приличествующее какому-нибудь гладиатору, а не легионеру. Увернулся от длинного выпада рогатиной, подставил массивный щит под удар меча, удачно въехал кому-то по шлему гладусом. Откуда-то с ревом выскочил давнешний «варвар» и нанес мощный удар

палицей. Ни уклониться, ни заблокировать эту атаку Глеб уже не успел – от сильного удара по шлему потемнело в глазах, и он мешком повалился на землю...

Эливетте, маркизе Фаросс, приходилось последнее время нелегко. Брат ее, Данхельт, после тяжелого ранения ни разу не пришел в сознание, и придворные сбросили его со счетов, принявшись обхаживать маркизу, оставшуюся единственной дееспособной претенденткой на престол герцогства. Каждый день одно и то же. Фальшивые соболезнования, заверения в преданности, выражения готовности поддержать молодую правительницу в это нелегкое время, естественно, с пользой для себя, любимого, и постоянные кляузы на своих оппонентов по борьбе за влияние на маркизу Фаросс. Вот и сейчас съехавшиеся во дворец столичные дворяне одаривали Эливетту верноподданническими, а своих противников настороженными взглядами. Стая падальщиков. Все больше и больше роскошный дворец герцогов Фаросских напоминал наследнице престола склеп.

«Мой брат жив! – так и хотелось ей выкрикнуть в лица собравшимся. – Не дождетесь!»

Но она промолчала, продолжая слушать витиеватые речи придворных интриганов и мило улыбаясь в ответ.

«Терпи, Эливетта, терпи, – уговаривала себя маркиза. – Скоро этот прием закончится, и ты сможешь навестить брата».

В зал для приемов вбежал обеспокоенный орк. Поняв, что произошло нечто серьезное, раз он даже не скрывает волнение, Эливетта Фаросс подала знак придворным, что прием окончен, и, поднявшись с места, направилась навстречу Тхангу. За ней последовал сбросивший напускную дремоту Эрно Альтин, скромно просидевший весь прием в уголке зала. Проходя мимо орка Эливетта тихо сказала:

– Иди за мной.

– Но, госпожа, – Рах находился в таком состоянии, что сделал попытку прилюдно настоять на своем. – Дело не терпит...

Эливетта мило улыбнулась окружающим, замедлив шаг, и, не поворачивая головы, повторила еле слышно:

– Иди за мной.

Орк, смирившись, потопал следом, больше не делая попыток возразить, но всем видом выражал нетерпение. Эливетта на выходе из зала подозвала начальника стражи и дворецкого. Свернула в боковое ответвление от основного коридора и вошла в небольшую комнатку, миновав на входе подтянувшихся стражей. Следом вошли остальные. Проходя мимо солдат, начальник стражи приказал никого не пускать и плотно прикрыл за собой дверь.

– Что случилось, Тханг? – спросила Эливетта, аккуратно присев на краешек стула, чтоб не помять дорогое платье.

– Ваш брат, госпожа, он... – от волнения у орка перехватило горло. – ...Он больше не дышит!

Начальник стражи выругался. Эрно Альтин крепко сжал кулаки. Что-то прошептал дворецкий. Побледневшая девушка спросила:

– Давно это случилось?

– Только что, – ответил Тханг, глядя на нее с надеждой. – Я как увидел, сразу же за вами побежал. Можно же что-нибудь сделать?!

– Да, – ответила поднимаясь маркиза. – Господа, снесите моего брата в заклинательные покои. Я вскоре подойду – мне надо успеть подготовиться к ритуалу. Пожалуй, это единственный способ хоть как-то помочь Дану.

– Эли, ты имеешь в виду... – осторожно начал Альтин, не договаривая предложение до конца.

– Именно.

– Но ведь это очень опасно! Этот ритуал применяли всего пару раз в глубокой древности. Эливетта обернулась у самой двери и решительно ответила:

– Никакого другого способа помочь не осталось... И, господа, не обсуждайте при других услышанное сейчас. Остальным незачем знать, что мой брат... – она суеверно не произнесла последнего слова.

– Да, госпожа, – одновременно ответили все четверо.

Когда сменившая дорогой наряд для торжественных приемов на более практичную одежду Эливетта, придерживая висящую на плече набитую сумку, спустилась в подвал дворца, где были расположены заклинательные покои, все четверо уже находились там, принеся безжизненное тело Данхельта Фаросса, и о чем-то спорили. Девушка чуть приоткрыла дверь, собираясь войти в помещение, но разгоряченные спорщики не сразу заметили ее присутствие.

– Нет, сэр Виттор, вы просто не понимаете, о чем говорите, – говорил начальнику стражи Эрно Альтин. – Я повторяю, что решение провести ритуал возврата души – это просто безумие. Задумайтесь сами, за все время успехом увенчались только две попытки из сотни. Всего две! А ведь для проводящего ритуал это занятие также небезопасно. Множество попыток окончилось не только безуспешно для того, на кого оказывается воздействие, но и смертельным исходом для заклинателя. Вы что, совсем ничего не понимаете?! В попытке вернуть к жизни Дана, мы можем потерять Эли! Род Фаросских драконов прервется! Герцогству придет конец! Молчи! – оборвал он дернувшихся возразить Виттора и Тханга. – Мне самому горько это признавать, но мы должны будем настаивать на отмене ритуала. Да, на отмене! Если на одной чаше весов лежит почти безнадежная попытка вернуть умершего, а на другой – жизнь единственной наследницы престола... Разве не ясно, что мы должны выбрать? Не надо на меня так смотреть! Я помню Дана с детства... Думаете, мне легко такое предлагать! Но другого... Другого выхода – если мы хотим сохранить государство – у нас нет.

Все удрученно замолчали, понимая, что от приведенных аргументов невозможно просто отмахнуться, а все рассуждения старого графа, какими бы горькими они ни были, взвешенны и логичны. И в этой тишине отчетливо прозвучал голос Эливетты, заставив спорщиков вздрогнуть от неожиданности:

– Господа, благодарю вас за заботу, но решение мной уже принято, и я не собираюсь его менять.

– Эли... – страдальчески произнес граф Альтин.

– Нет, граф. Я все же рискну провести ритуал.

– Эли, одумайся.

– Сэр Эрно! – в голосе Эливетты зазвучал ме-талл.

Старый рыцарь⁹ скорбно поджал узкие губы. В глазах Тханга на миг вспыхнул огонек надежды, тут же сменившийся океаном страха и чувства вины. Дворецкий испуганно вздрогнул. Сэр Виттор, растерянно переводил взгляд с одного из присутствующих на другого.

Эливетта подошла к невысокому постаменту в центре комнаты и, склонившись, медленно провела кончиками пальцев по застывшему лицу Дана.

– Господа, проследите, чтоб никто сюда не входил, – распорядилась она.

Эрно нервной походкой первым направился к выходу, и Эливетта заметила слезы в глазах графа. Следом направились остальные. Тханг приостановился на пороге, словно хотел что-то сказать, но так ничего и не произнес, только шумно вздохнул и вышел за дверь, опустив широкие плечи и сгорбившись, будто взвалил на спину тяжелый груз.

---

⁹ Рыцарь – во избежание путаницы автор считает своим долгом пояснить, что «рыцарь» – это не только титул низшего потомственного дворянства, а еще и общее наименование всех – подчеркиваю, всех! – входящих в военно-феодалное сословие, так же как и обращение «сэр».

Маркиза заперла дверь на ключ и, в качестве дополнительной предосторожности, задвинула засов, чтобы никто, сдуру или преднамеренно, не смог нарушить течение ритуала. На столик в углу она высыпала из принесенной сумки какие-то мелки, склянки, заполненные жидким, вязким или сыпучим содержимым, свечи, всех цветов и размеров, старую, обтянутую потрескавшейся кожей книгу и множество других предметов непонятного назначения.

Подхватив сразу несколько мелков, Эливетта опустила на колени и принялась старательно вычерчивать на полу вокруг постамента сложную многолучевую фигуру, чередуя мелки по мере необходимости. Время от времени она подходила к столику и сравнивала результат своих трудов с рисунком в книге. Обладая цепкой памятью, развитым глазомером и набитой рукой, девушка хорошо справлялась с поставленной задачей и ей почти не приходилось вносить поправки. Фигура на полу все усложнялась и усложнялась: в нее вписывались дополнительные векторы, отделялись сегменты и сектора, добавлялись дуги и линии, соединяющие между собой части фигуры. Окончив чертеж, Эливетта скрупулезно проверила рисунок, прежде чем перейти к следующему этапу. Теперь она осторожно двигалась между начерченных линий, стараясь не наступать на них, чтоб не нарушить целостность начерченной фигуры, и расставляла свечи, предварительно смачивая у некоторых фитили разными жидкостями из флакончиков. Потом принялась выкладывать в определенном порядке какие-то перья, косточки, кусочки различных пород дерева и минералов. Отрезала маленькими ножницами у себя и Дана по пряди волос и сожгла их, смешав в каменной ступке их пепел с непонятными ингредиентами из нескольких баночек и флакончиков.

– Все будет хорошо, – произнесла девушка вслух, то ли успокаивая сама себя, то ли обращаясь к безжизненному телу Данхельта.

Она подошла к Дану и принялась снимать с него одежду, выбрасывая предметы туалета за пределы рисунка. На его груди, голове и конечностях Эливетта нарисовала несколько фигур, окуная тонкий пальчик в ступку с полученной субстанцией. Достала из складок длинного плаща небольшой ножик с листовидным клинком и сделала себе небольшой надрез на подушечке того же пальца. Дождалась, когда ранка набрякнет кровью, и дорисовала с ее помощью недостающие символы.

Потом покинула пределы круга и сбросила с себя плащ, следом полетела украшенная кружевами рубашка, башмачки и узкие брючки в обтяжку. Сняла кружевное белье – не до стеснительности. В ритуальной магии важна каждая мелочь, и зачастую одежда на теле или украшения могут послужить причиной неудачи. Вынула из прически шпильки, позволив длинным волосам светлой волной окутать обнаженное тело. Остатками мази из ступки, начертила несколько знаков у себя на коже, после чего с помощью длинной лучины запалила расставленные свечи и, встав на пересечении линий в изголовье лежавшего на постаменте Дана, затянула длинную мелодию, почти не разжимая губ. Глаза проводящей ритуал девушки были закрыты, а вытянувшееся в струнку стройное тело чуть покачивалось из стороны в сторону, в такт звучащей мелодии. Тонкие руки ни на миг не оставались без движения, а узкие ладони с длинными, чуткими пальцами порхали, выплетая в воздухе невидимый узор. Так продолжалось очень долго, издаваемые звуки меняли громкость, становясь то тише, то громче. Растрепавшиеся волосы скрыли лицо читающей заклинание Эливетты. На золотистой коже выступили поблескивающие горошины пота, из тонких подрагивающих ноздрей показалась кровь. Две темно-красные струйки прочертили дорожки по осунувшемуся лицу, по длинной шее, обежали упругие груди со сморщившимися от холода дерзко торчащими столбиками сосков, прокатились по плоскому без единой складочки животу... Каплями срывались вниз, испятнав бурыми пятнами ступни девушки и пол вокруг. Лицо исказилось судорогой боли, но губы упорно продолжали тянуть мелодию. По телу заклинательницы пробежала чуть заметная дрожь и синхронно подрагивало тело Дана. Последние звуки сорвались с побледневших губ драконицы,

и она распростерлась на полу, пламя всех свечей разом потухло, а Данхельта выгнуло дугой, чуть не сбросив с пьедестала.

Глаза его широко распахнулись и несколько раз удивленно моргнули. Он неуверенно пошевелил руками и ногами и с трудом повернул голову, что-то невнятно прохрипев. Эливетта поднялась с пола и, подбежав к нему, крепко обняла. Она весело смеялась, покрывая поцелуями лицо Данхельта, радуясь, что все прошло успешно.

– Где я? – спросил Дан, и девушка вздрогнула.

Лицо Эливетты словно застыло, а огромные светло-голубые глаза от удивления стали еще больше, взглянув на него с ярко читаемой обидой и недоумением.

Вопрос прозвучал на совершенно незнакомом языке, и только врожденные способности драконов, для которых, как известно, нет языковых барьеров, помогли Эливетте понять сказанное. Но не чуждый язык поверг девушку в шок. Она поняла, что заклинание вернуло в безжизненное тело душу, вот только эта душа оказалась не душой ее брата. В теле Данхельта обосновалось чужое сознание!

– Где я? – прохрипел Глеб пересохшими губами, с трудом покачнув гудящей и тяжелой, словно залитой свинцом, головой. Волков сфокусировал взгляд, но смог разглядеть только высокий, выкрашенный в белый цвет потолок. Последнее, что он помнил – стремительно падающая на голову палица «варвара», после чего наступил провал в памяти. А в сочетании со светлым потолком все это подталкивало к мысли, что он оказался в больнице. Следующей мыслью было – небось, до сотрясения доигрался, придурок! Потом в поле зрения появилось красивое женское личико. А медсестрички здесь ничего! – возникла восхищенная мысль, но тут же сменилась недоумением, когда медсестра с радостным криком бросилась к нему на грудь, обнимая и целуя. Глеб попытался припомнить, кто эта девушка и когда он мог с ней познакомиться, поскольку, как он подозревал, медсестра вряд ли бы стала бросаться с такой радостью на пришедшего в себя пациента. Вспомнить он ничего нового не смог и решил, что это новый Сашкин розыгрыш, а значит, можно не забивать голову – все разъяснится само собой – и переспросил:

– Где я? – в этот раз слова прозвучали намного отчетливее.

Реакция девушки оказалась удивительной – она замерла на месте, отстранившись от него, а в глазах ее плескался целый океан горечи. Глеб даже почувствовал себя виноватым, словно чем-то ее обидел. Сильно обидел – до глубины души! Ему захотелось извиниться, но нужные слова, как назло, не находились, а потом Волкову стало не до оправданий.

Он вдруг с огромным запозданием сообразил, что лежит совершенно голым перед незнакомой девушкой, да и сама незнакомка... тоже не блещет обилием одежды. Скорее, наоборот, блещет полным ее отсутствием. Глеб попытался отодвинуться в сторону, и щеки его запылали румянцем, когда он, неуклюже качнувшись набок, скользнул набухшим половым органом по гладкой, шелковистой коже бедра девушки. Незнакомка тоже покраснела и, оттолкнув Глеба руками, так, что Волков крепко приложился затылком, отскочила от него подальше, что-то выкрикнув на незнакомом языке и безуспешно пытаясь прикрыться руками.

«Иностранка?!!» – удивился Глеб, также прикрыв ладонями детородный орган.

Незнакомка медленно пятилась, не сводя с него настороженного взгляда. Сделав еще несколько маленьких шажков назад, она резко развернулась и стремительно кинулась вглубь комнаты, несколько раз толкнувшись в запертую дверь. Убедившись в бесплодности попыток силой сокрушить надежную преграду, девушка побежала в угол, там, наклонившись, подняла с пола длинный кусок материи темного цвета и набросила себе на плечи.

– Девушка, – просительно протянул Глеб. – Мне бы тоже что-нибудь на себя набросить.

При первых же его словах девушка прижалась к стене.

– Пожалуйста, – добавил Глеб, но «волшебное» слово также не дало никакого положительного результата.

Вздохнув, он сдвинулся к краю лежанки и с трудом встал на ноги. Сделал один неуверенный шаг, кое-как удержав равновесие. Прижавшаяся к стене незнакомка вновь выкрикнула что-то непонятное. Но произошло удивительное дело – незнакомая речь трансформировалась в привычный русский язык.

– Не подходи! – крикнула девушка, выставив перед собой в качестве защиты правую руку.

Глеб остановился на пол-пути и сказал:

– Девушка, мне бы хоть что-то из одежды.

Незнакомка ненадолго задумалась, прикусив нижнюю губку, и ответила:

– Сейчас, только не подходи!

Она присела на корточки, продолжая держать его в поле зрения, подхватила с пола разбросанную одежду и кинула Глебу.

– Спасибо, – поймав летящий в лицо ком, Глеб сделал несколько шагов назад и присел на твердую каменную поверхность, ранее послужившую ему вместо кровати.

Волков развернул на коленях сверток и растерянно перебирал вещи, выглядевшие на его взгляд очень необычно. Но как бы странно они ни выглядели – выбирать было не из чего. Мысленно сплюнув, он натянул длинные, чуть ли не до колен, и широкие шорты с шнурком-завязкой вместо резинки. Прикинул двое штанов и остановил свой выбор на более длинных и просторных, практичного серого цвета, из мягкого, приятного на ощупь материала. Отложил в сторону кружевную рубашку кремового оттенка. Натянул через голову что-то среднее между пуловером, футболкой и пижамой. Покрутил в руках выполненные в тон кремовой рубашке трусики и лифчик. Смущенно хмыкнул, покосившись на закутанную в плащ девушку, и положил женское белье на рубашку, после чего протянул все оставшиеся вещи незнакомке, со словами:

– Кажется, это все ваше.

Вновь вспыхнув как маков цвет, девушка смущенно опустила глаза. Глеб некоторое время держал вещи на весу, но незнакомка так и не осмелилась к нему подойти. Тогда он снова поднялся, автоматически отметив, что все движения получаются с каждым разом все лучше и лучше, видимо, организм приходит в себя. Волков внимательно оглядел помещение, в котором находился, и понял, что вряд ли находится в больнице, уж больно необычно выглядело все вокруг: и каменная лежанка, и странные линии на каменном полу, и развешанные по стенам светильники, чем-то напоминавшие еще изредка встречающиеся в глухих деревеньках керосинки. Отметив, что девушка вновь насторожилась, когда он встал на ноги, Глеб решил ее не провоцировать лишний раз и, сопровождаемый недоверчивым взглядом из-под длинных ресниц, направился к небольшому столику, на который и выложил аккуратной стопочкой одежду. Взамен прихватил пустую кожаную сумку. Вернулся на свое место, подложив в качестве сиденья сумку, чтоб не морозить пятую точку, и насмешливо посмотрел на сконфузившуюся девчонку, задержав взгляд на босых ступнях – это по каменному-то полу! – и подрагивающей от холода фигурке.

– Девушка, вы бы тоже оделись, а то простынете, – сказал Глеб неожиданно для самого себя, ведь на языке вертелось множество совсем других слов, а точнее вопросов, на самый главный из которых – «Где я?» – он до сих пор не получил ответа.

Несколько успокоенная его неагрессивными действиями девушка подошла к столику, протянула руку к вещам и растерянно посмотрела на Глеба.

– Да, отвернусь я, отвернусь, – ответил Волков на вопросительный взгляд незнакомки.

И действительно – отвернулся. За спиной послышался шорох упавшего на пол плаща. Глеба так и подмывало, здоровое мужское любопытство, чуть повернуть голову, чтоб хоть краем глаза взглянуть на одевающуюся красавицу. Но врожденное чувство справедливости – по крайней мере, так утверждал Сашка, друживший с Глебом с детского сада – и привитая родителями порядочность, – а может наоборот, в этом бы он не поручился за свои слова – не

позволили ему так поступить. К тому же – решил он – не стоит рвать первую ниточку доверия, протянувшуюся между ним и единственной собеседницей, способной хоть отчасти прояснить ситуацию. Размышляя, Волков ни на миг не терял бдительности и прислушивался к звукам за спиной – чужая душа потемки, и он не мог знать, какие мысли бродят в светлой головке незнакомки, но уж очень не хотелось получить чем-нибудь тяжелым по затылку.

Но девушка и не думала к нему подкрадываться с самыми зловещими намерениями. Она быстро сбросила плащ и натянула на себя нижнее белье, бросая ему в спину короткие взгляды. Следом пришел черед узких брючек и рубашки. Теперь она чувствовала себя намного уверенней и уже не так торопилась. Надела на замерзшие ножки башмачки, почувствовав, как надежная преграда отделяет заледеневшие ступни от холодных каменных плит пола. Набросила на плечи плащ и, искоса поглядывая то на запертую дверь, то на отвернувшегося Глеба, девушка задумчиво накручивала на палец длинную прядь волос, поигрывая лежащим на столе ключом. Теперь, когда у нее появился выбор, она не знала, что предпринять. После недолгих колебаний осторожность взяла верх над любопытством, и девушка медленно направилась к дверям. До выхода оставалось сделать пару шагов, и она уже протянула к замочной скважине руку с ключом, когда ее настиг голос Глеба:

– Уже уходишь, красавица?

Она остановилась, не зная, что тут можно сказать, но Волков и не ждал от нее ответа:

– Может, ответишь сперва на пару вопросов? Где я? – спросил он и добавил, не услышав в от нее ни слова: – Можешь отпереть дверь, если тебе так будет спокойнее. – В ответ получил недоверчиво-удивленный взгляд, но не обиделся и продолжил тем же спокойным тоном: – Можешь не сомневаться – мешать не буду.

Ну, отпирай быстрее.

Девушка вставила ключ в замочную скважину и повернула, отпирая дверной замок. Вид у нее стал более уверенным, и, обернувшись, она заговорила гораздо решительнее:

– Кто ты?

– Кто я? – удивленно переспросил Глеб, пытавшийся получить ответы на свои вопросы, а не отвечать на чужие, особенно такие неожиданные. – Вы не находите, что это очень странный способ знакомства – вначале пылко бросаться на шею незнакомому человеку, а уж потом пытаться узнать его имя... – и после образовавшейся паузы добавил: – Глеб.

Зная, что теперь легко может покинуть его общество, незнакомка обрела почву под ногами, и выбить из колеи ее стало не так-то легко.

– Глеб – какое странное имя, – удивилась она, вычленив из всей речи только ответ на свой вопрос и тактично пропустив мимо ушей намек на свое не слишком скромное поведение.

– Обычное, – не согласился Волков. – Разве что не самое распространенное. А твое имя? А то все девушка да девушка – больше не знаю, как и обратиться.

– Эливетта.

– Эли... вьет... та, – медленно, чтобы запомнить, повторил Глеб и добавил дежурный комплимент: – Красивое имя. Эливетта, ответь... те на один вопрос – где я нахожусь?

Девушка неожиданно замаялась, опустив глаза в пол, и тихо ответила:

– Во дворце.

– Где? – Глебу показалось, что у него стало плохо со слухом.

Эливетта глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, и отчетливо повторила:

– Во дворце... В Амели – столице герцогства Фа росс.

Глебу показалось, что потолок рухнул ему на голову. Он потер ладонями виски, словно пытаясь таким образом привести мысли в порядок.

– Как я здесь оказался? – растерянно спросил он и осекся, уставившись на свои ладони.

Свои?! Он крепко зажмурил глаза и вновь распахнул... Помотал головой... Потряс в воздухе ладонями. Ничего не изменилось. Все мелкие несурезицы сложились в голове в одну кар-

тину. Глеб в последней попытке рванул с себя рубаху и глухо застонал – это было не его тело! Порядком издерганный разум Глеба нашел неплохой выход из ситуации – он просто-напросто отключился.

Эливетта глянула на потерявшего сознание парня и задумалась, что теперь делать. Ей удалось провести самый сложный ритуал возвращения души, но результат получился не совсем тот, на который она рассчитывала. И теперь Эливетте приходится решать – позволить ли чужаку существовать в теле ее брата? Или уничтожить его? С одной стороны, она не знает, что можно ожидать от чужака в дальнейшем, и не безопаснее ли будет от него избавиться, но с другой – физиологически оживший является ее родичем, и вправе ли она прервать своей рукой жизнь дракона, ведь их и так осталось слишком мало. А еще примешивалась надежда, что сознание ее брата может однажды вернуться, вытеснив чужака. Именно эта робкая надежда оказалась последним доводом в пользу находящегося без сознания Глеба:

– Эрно! Тханг!

Двери распахнулись, и в комнату ввалились все четверо ожидавших, а не только двое названных.

Тханг бросился к лежавшему без сознания Данхельту-Глебу и радостно взревел, увидев, что тот жив. Обернувшись, он схватил в охапку не ожидавшую ничего подобного Эливетту и, легко оторвав от пола, закружил по комнате, горланя что-то веселое. Все же, не смотря на проведенные в Амели годы и вызубренные наизусть правила людского этикета, Рах оставался истинным сыном своего народа, и в минуты волнения необузданная и очень эмоциональная орочья натура зачастую брала в нем верх. Например, как сейчас. Опешившая от такого фамильярного обращения Эливетта придушенно пискнула, оказавшись в железной хватке Тханга, и позволила орку сделать несколько кругов.

– Пусти, медведь! – затрепыхалась в кольце рук Тханга пришедшая в себя девушка, забавившись небольшими, крепкими кулачками по широкой груди орка.

– Кхм, прощения прошу, госпожа, – смутился Рах, разжимая объятия.

Виттор громогласно расхохотался, широко раскрыв полный здоровых белых зубов рот и запрокинув голову вверх – уж больно потешно выглядел смутившийся Тханг. Индрис притворно закашлялся, пытаясь подавить неподобающее, по его мнению, для дворцового хихиканье.

– Все прошло удачно, да, Эли? – спросил граф Альтин.

– Удачно? – переспросила Эливетта, и почувствовавший что-то неладное Эрно сразу же настороженно подобрался. – Не уверена. Виттор, Рах, отнесите... Данхельта в его покои. Виттор, не забудь поставить у дверей стражу. И сразу же поднимитесь ко мне. Индрис, Эрно, вы мне тоже понадобятся. Господа, нам всем нужно будет кое-что обсудить...

Выполнив поручение, Тханг и начальник дворцовой стражи зашли в кабинет маркизы. Остальные уже находились там, дожидаясь их с плохо скрываемым нетерпением. Тханг отмахнулся от предложенных напитков, ногой пододвинул к себе стул и уселся на него верхом, положив подбородок на сложенные на высокой спинке руки. Его немигающий взгляд следил за заметно нервничающей Эливеттой. Виттор также не заинтересовался предложенными соками и винами, предпочел воспользоваться собственной фляжкой. Комфортно расположившийся в глубоком кресле Эрно Альтин скользнул рассеянным взглядом по вошедшим и вновь сосредоточился на разглядывании содержимого своего бокала, ожидая, когда Эливетта озвучит неприятные – в этом он был уверен точно – известия.

– Итак, господа, – произнесла Эливетта, дождавшись, когда служанка обнесет всех напитками и покинет помещение. Она сделала небольшой глоток сока из высокого бокала и обвела присутствующих внимательным взглядом. – У нас возникла проблема... Большая проблема...

– Какая проблема? – неподдельно удивился Тханг. – Ритуал прошел успешно – Данхельт жив. Не вижу никаких проблем.

Эливьетта постучала ноготком по краю бокала и, дождавшись, когда перебивший ее на полуслове – все-таки орк всегда остается орком – Рах замолчит, продолжила:

– Данхельт – это не Данхельт. – сказала она и сама почувствовала, как глупо прозвучали эти слова.

Громила-орк удивленно открыл рот и выпучил глаза. Всегда выдержанный Индрис поднял брови, что означало у него крайнюю степень изумления. Виттор посмотрел на Эливьетту с жалостью, словно решил, что после проведенного ритуала она... слегка переутомилась. И только Эрно Альтин остался предельно серьезен.

– Эли, поподробнее, – попросил он.

Маркиза замялась, в попытке подобрать наиболее точные слова:

– Ритуал не вернул душу Дана в его тело... Он поместил в него чужую душу. Я понимаю, что все сказанное звучит слишком невероятно, но это действительно так! В теле моего брата сейчас живет не он сам. Чужак по имени Глеб. Так он назвался.

Эливьетта говорила очень убедительно, заново переживая тот шок, что охватил ее после окончания ритуала, и ей поверили. Возможно, еще не до конца, но поверили.

– Эли, – вздохнул граф. – Я ведь предупреждал, что ничего хорошего из той сумасбродной затеи не по лучится. И что в результате? В теле одного из претендентов на престол находится совсем другая душа. Как он себя поведет? А мы теперь даже избавиться от чужака не можем.

– Почему? – удивился Виттор.

– Потому! – огрызнулся граф, и стало заметно, что он весь на нервах. – Подумай хоть немного своими мозгами, если, конечно, тебе их еще не все выбили на турнирах, и поймешь! Стоит нам его только тронуть, и все решат, что происходит борьба за власть, между не поделившими трон наследниками. Знаешь, сколько желающих появится половить рыбку в мутной воде?

А ведь у нас и так проблем выше головы.

– Но ведь можно...

– Можно, – кивнул понявший его с полуслова Эрно, а хорошо разбирающийся в придворных интригах Индрис снисходительно глянул на начальника дворцовой стражи – уж он-то сразу понял, к чему может привести такой прямолинейный подход, и был на стороне осмотрительного главы Тайной службы. – Только никто не может быть уверен, что все пройдет гладко, а не вылезет наружу в самый неподходящий момент.

– Индрис?

– Если бы мы узнали о случившемся еще в закли нательных покоях, – осторожно подбирая слова, на чал тот, – тогда мы могли бы повлиять на ситуацию.

Но сейчас...

Дворецкий сделал выразительную паузу.

– Нет, – резко сказал Эрно. – Не могли. Единственное, что от нас требовалось – не пытаться вообще проводить этот клятый ритуал! Вот тогда у нас еще был выбор!

– Но можно же было сказать, что ритуал окончился неудачно, – не сдавался Индрис.

– Да?! – в одном коротком слове граф сумел выразить целую гамму чувств: раздражение, недоумение, удивление, иронию. – Думаешь, не нашлось бы ни одного умника, который заявил бы, что Данхельта Фаросс просто убили, а якобы неудачным ритуалом пытаются замести следы?

– Кто?! – взревели в один голос Виттор и Тханг.

– Найдутся.

Эливетта поставила пустой бокал на столик и устало прикрыла глаза, чувствуя себя после проведения ритуала совершенно разбитой. Да еще и самые доверенные помощники того и гляди вдрызг разругаются. Допустить этого нельзя ни в коем случае.

– Господа, какой толк обсуждать, что мы могли бы или не могли сделать? Время назад не повернуть, – вмешалась Эливетта, чтобы не допустить ссоры.

Дождавшись, когда все успокоятся, она спросила Альтина:

– Ты предлагаешь пока оставить все как есть?

– А ты разве все уже не решила? – ответил он во просом на вопрос.

– Да.

– Что уже решила? – переспросил плохо разбирающийся в недомолвках Рах. Индрис закатил глаза – дворецкому бесцеремонность орка каждый раз приносила чуть ли не физические страдания.

– Оставить чужака в живых, – коротко ответил Эрно.

Глава 2

Глеб шагал, постукивая подкованными каблуками по вымощенной серым камнем мостовой, и с интересом оглядывался по сторонам. Одетый по местной моде – черные брюки, заправленные в высокие сапоги, крытая темно-красным бархатом приталенная короткая куртка с широкими рукавами, пояс с привешенным к нему кинжалом и широкополая черная шляпа с двумя яркими перьями справа – он ничем не отличался от окружающих. Разве что качеством пошитой по фигуре одежды – отдельное спасибо дворцовым портным – и с виду напоминал небогатого дворянина или удачливого наемника, а удивленным видом производил впечатление провинциала, впервые оказавшегося в столице. Не так уж далеко от истины! Волков и вправду оказался в Амели впервые, и все еще не мог окончательно поверить в то, что другие миры существуют, изредка ловя себя на мысли, что нынешняя действительность – плод его воображения. Но подобная мысль приходила все реже и реже...

Впервые за две недели, или по местному – полторы декады, проведенных в новом мире, Глеб смог вырваться за пределы дворца, чему был очень рад. Он старался не обращать внимания на следующего за ним по пятам зеленокожего громилу с торчащими вперед нижними клыками – орка, выполняющего при его особе обязанности то ли охранника, то ли надсмотрщика, а может, и совмещающего обе должности.

Столица Фаросского герцогства произвела на Волкова приятное впечатление. Общее впечатление было такое, что он попал в Средневековье, но в отличие от описанных историками земных городов того периода, Амели выгодно отличался чистотой и опрятностью. Впрочем, выводы делать было пока рано – он ведь находился в центральной части города. А, как известно, центр и окраины – две совершенно разные вселенные.

Глеб ускорил шаг и, споткнувшись, чуть не пропахал носом мостовую. Он до сих пор после переноса так и не освоился до конца в чужом теле. Это ведь на самом деле не так просто, как кажется – и центр тяжести немного другой, и угол обзора отличается от привычного, и телосложение не то, и длина конечностей, и вес, и множество других мелочей, на которые никто и никогда не обращает внимания, привыкнув за долгие годы.

Из распахнувшихся, чтобы выпустить компанию посетителей, дверей двухэтажного дома с вывеской над входом пахнуло ароматом свежесдобитого хлеба, и Волков непроизвольно сглотнул слюну. Шагавший следом молчаливый сопровождающий нагнал Глеба и произнес, мотнув головой в сторону вновь распахнувшихся дверей:

– Зайдем?

Глеб на мгновение задумался и ответил вопросом на вопрос, проведя руками по пустым карманам:

– Угощаешь?

– Хорошо.

Посторонившись, Глеб пропустил выходящих, отметив, что, судя по наплыву покупателей, заведение не бедствует, и вошел в большое светлое помещение. Вопросительно посмотрел на своего спутника, но тот знаком показал, чтобы он выбирал любой понравившийся стол, и проследовал к стойке. Волков пожал плечами и занял место возле окна.

Вернулся договорившийся с хозяином орк и сел напротив Глеба. Следом появилась дородная подавальщица с подносом, на котором горкой лежали свежайшие, только из печи, булочки. Оставив поднос на столе, она плавно удалилась, покачивая бедрами.

Булочки оказались вкуснейшие, и Волков не заметил, как умял половину. Орк от него не отставал. Вернувшаяся забрать пустой поднос разносчица выставила на стол две исходящие паром кружки. Глеб понюхал странное содержимое, не решаясь сделать глоток, и заметивший его колебания орк сказал:

– Пей, не бойся.

Глеб решил, что травить его не собираются, и отпил. Вкус у горячего напитка был приятным. Чувствовались мед, гвоздика, перец, имбирь, мята и что-то еще, чему он не смог подобрать названия.

Откинувшись на стуле, Глеб не торопясь прихлебывал из кружки и рассматривал других посетителей заведения.

За дальним столом в углу тихо переговаривались двое в надвинутых на лица капюшонах, выглядевшие в неброских серых плащах словно родные братья. А может, они и были братьями. Левее шумно отмечала какое-то событие компания молодежи, повадками напоминавшая Волкову студентов из родного мира. Сдвинув несколько столов, сидело полтора десятка крепких загорелых мужчин в кожаных и суконных куртках, напоминающих военные мундиры, только без знаков отличия. Помимо людских лиц Глеб заметил и троих сородичей своего сопровождающего. На поясах у некоторых висели длинные мечи, оружие остальных лежало на лавках, так чтоб легко можно было дотянуться при необходимости. Но привлекло внимание Глеба не оружие – компания затеяла борьбу на руках. Он понаблюдав за ними, отметив, что основной упор делается на силовую борьбу без особых хитростей. Когда-то Волков тоже увлекался этим видом единоборств и выучил немало уловок, позволяющих победить более сильных соперников. Захотелось принять участие, вновь ощутить азарт борьбы, но наемники, как он подметил, делали денежные ставки, а его финансы – ввиду полного отсутствия – даже романсы не могли петь. Заметивший его интерес орк счел необходимым пояснить:

– Наемники.

Наглость – второе счастье. Глеб спросил:

– Одолжишь пару монет?

Вздыхнув, орк покопался в карманах и выложил на стол пару серебряных кругляшей. Глеб осмотрел монеты – местные деньги он видел впервые.

– Это много? – спросил он, покачав монеты в руке.

– Декаду протянуть можно.

– Неплохо, – согласился Глеб. – Не боишься ризковать?

– А сам?

– Есть немного.

Волков начал вставать из-за стола, но орк придержал его за руку.

– Рассчитываться как будешь, если проиграешь? – спросил он.

– Найду.

– Есть предложение, – сказал орк, глянув на него в упор. – Проигрыш за мой счет. Выиграешь – при бль пополам.

– Идет, – согласился Глеб и направился к наемникам. Орк одним глотком опорожнил кружку и пошел следом.

При их приближении наемники замолчали и уставились на них настороженными взглядами. Проигнорировав повисшее в воздухе напряжение, Волков присел на свободное место.

– Ну? – недовольно произнес один из наемников, глядя на бесцеремонных гостей.

– Веселитесь?

– Ну.

– Присоединиться можно? – спросил Глеб и под кинул монеты в ладони.

Наемники переглянулись.

– Присоединяйтесь, – прозвучало более миролюбивым тоном. – Сколько ставишь?

– Монету, – Глеб решил не рисковать всей суммой сразу.

Наемник выложил серебряную денгу и поставил локоть на столешницу, приглашающе раскрыв ладонь. Глеб выложил свою и сел напротив него. Сцепились руками. На счет «три» наемник резко нажал, собираясь положить руку соперника первым же рывком. Глеб не под-

дался. Крепко сжав пальцы противника своими, он начал постепенно усиливать нажим, выворачивая кисть противника к себе. Потянул на себя и припечатал руку соперника к деревянной поверхности стола.

– Удвоим? – спросил, усаживаясь на место победившего, крепкий с круглой лысой головой и небольшими, плотно прижатыми к черепу ушами. Дыра на месте верхнего переднего зуба и пролегли через переносицу шрамы придавали ему разбойничий вид. Выглядел он покрепче предыдущего соперника, но Глеб не задумываясь согласился...

После побежденного четвертого противника кучка монет перед Волковым заметно увеличилась, а вокруг соревнующихся собралась толпа посетителей, громкими криками подбадривающих противоборствующих. Кто-то даже успевал делать ставки на того или иного противника. Орк тоже не терялся и, как Глеб успел заметить, уже успел пару раз выиграть. Пора бы и честь знать – Волков сгреб выигрыш, но был остановлен:

– Куда-то собрался? – пробасил ражий детина, сбросил с плеч кожаную куртку, оставшись в одной тонкой рубахе. Он закатал рукава, обнажив толстые, заросшие черным волосом руки с широкими ладонями. Расстегнутая почти до пояса рубашка выставляла напоказ не менее заросший торс.

– Имеются возражения?

Наемники явственно напряглись. Орк, только что споривший с соседом, тоже. Он скользнул к Глебу, встав у него за спиной, и положил руку на рукоять широкого ножа. Его соплеменники с противной стороны, заметившие этот маневр, также настороженно подобрались, отслеживая все движения сородича.

Глеб понимал, что оказался в непростом положении – наемники не горели желанием терять свои деньги и не собирались просто так отпускать сорвавшего куш незнакомца. Он им даже в чем-то сочувствовал – пришли непонятно кто, поимели неплохую сумму и теперь намереваются свалить. Будь ситуация немного другой, Волков бы вообще не стал ввязываться в противоборство, к тому же с денежными ставками, но сейчас был неплохой шанс мирно разрешить возникшую проблему. Наемники ведь тоже не были дураками и вряд ли хотели занять лишние неприятности на свои головы. Устраивать разборки в добропорядочном заведении в центре города да еще среди бела дня в присутствии множества свидетелей было не в их интересах. Вот и происходили все в низкопробном кабаке сомнительной репутации... Ха, да тогда Глеб и не полез бы – не дурак, чай!

– Имеются! Надо бы дать возможность отыграться, а то не по-людски получается.

Борзеть сейчас не стоило, если у кого из наемников сорвет планку, то их с орком просто затопчут, наплевав на все последствия, но и давать слабину – плохой вариант:

– Если всем подряд давать – поломаются кровати!

Окружающие расхохотались.

Детина начал наливать кровью, но Глеб не дал ему возможности ответить, чувствуя, что сейчас большинство окружающих морально находятся на его стороне:

– Впрочем, согласен на еще одну попытку. Но только одну!

– Тебе и одного раза хватит! – в запале ответил тот.

– Сам подписался, все слышали, – подловил его Волков. – Последний раз, и ухожу без претензий с вашей стороны, независимо от результата.

– Идет.

– Деньги покажи.

На стол полетела горсть монет.

Рука Глеба утонула в огромной лапе соперника. Мощный противник давил с огромной силой, и будь у Волкова меньше опыта, он бы уже проиграл. Но пока держался, применяя все

известные уловки. Противник выпучил глаза от натуги и грудью налег на край столешницы, всем весом налегая на руку Глеба, но сдаваться землянин не собирался и «подвесил» запястье, дожидаясь момента для ответной атаки. Когда детина, выдохнувшись, сбавил напор, он рывком попытался уложить руку противника, но просчитался – соперник только сделал вид, что выдохся и удачно подловил Глеба в момент контратаки. Подрагивающая от напряжения рука Глеба медленно сдавала позиции, по миллиметру приближаясь к поверхности стола, и он начал мысленно прощаться со всем выигрышем.

Наклонив голову, Волков сморгнул, стараясь избавиться от попавшего в глаза едкого пота. На виске бешено забились жилка. Шея побагровела. Струйка пота пробежала по затылку и скрылась за воротником. Глаза неожиданно заволокло красноватой дымкой, и землянин подумал, что от напряжения полопались сосуды в глазах. По жилам руки словно пробежал огонь, а сократившиеся мышцы ладони, как тисками зажали руку соперника. Рывок – и тыльная часть кисти противника с глухим стуком впечатывается в доски!

Зрители взревели – кто-то радостно, кто-то нет, в зависимости от сделанных ставок, начали собирать деньги с проигравших. Одиноким голос попробовал возмутиться, но сразу затих под напором двух-трех здоровых глоток. Так-то, дружок, проспорил, так не вякай! Раньше надо было головой думать, а теперь – деньги на бочку и гуляй, Вася!

Перед глазами Глеба плавали круги, а сам он мелко подрагивал после выброса адреналина. Радостно орущий орк хлопнул его по плечу, и Волков, не ожидавший от своего спутника таких бурных чувств, чуть не уткнулся носом в столешницу.

– Пить.

Перед глазами появилась кружка, и Глеб ухватился за ручку, чуть не расплескав содержимое. Хорошо, что быстро сообразивший орк успел поддержать донце кружки, вовремя подставив снизу ладонь... Выстучав дробь зубами по краю посуды, Волков сумел сделать несколько глотков, и терпкая, шипящая в нос влага, вкусом напоминающая сидр, скользнула по пищеводе.

Стало легче, и уже не торопясь он допил остатки. Глянул на наемников. Бывший соперник разминал побелевшую кисть, глядя на Глеба глазами с расширившимися во всю радужку глазами. Остальные радости не выказывали, но и протестовать не решились, когда он сгреб со стола монеты. Поделил их на две части – одну опустил в карман, а вторую отдал орку, как и договаривались.

– Молодец, парень! – послышался зычный голос, и по столу в сторону Глеба катнулась крупная монета.

Он поднял глаза и увидел седоватого подтянутого мужчину средних лет с цепкими серыми глазами, одетого в дорожный камзол, высокие сапоги со шпорами и шляпу, похожую на Глебову. На поясе у подошедшего висел короткий меч, похожий на земной гладус – короткий меч римских легионеров длиной около шестидесяти сантиметров – только немного длиннее и с более выраженной гардой. Кто-то из наемников сказал приглушенно:

– Капитан!¹⁰

Глеб катнул монету назад со словами:

– Что выиграл – то мое, а подачек – не надо.

Капитан смерил его взглядом, остановил взмахом руки вскочивших со своих мест наемников и спросил:

– Не слишком ли ты дерзок, парень?

Волков не успел ответить, вместо него вмешался орк:

---

¹⁰ *Капитан* – у наемников это звание вовсе не равнозначно званию капитана в регулярных войсках некоторых местных государств. Оно означает, что его обладатель является командиром банды – отдельного отряда наемников, численностью от сотни до трех сотен человек.

– Какие-то проблемы? – и, отвернув ворот куртки, показал золоченый значок.

– Никаких проблем, – хладнокровно ответил командир наемников, не выказав, в отличие от большинства окружающих, ни удивления, ни испуга.

Глеб вылез из-за стола и, коснувшись двумя пальцами полей шляпы, чуть склонил голову. Капитан ответил тем же и сел за стол, а Волков направился следом за орком к выходу. На улице он потрогал рукой приятно потяжелевший карман и радостно улыбнулся – теперь он располагал хоть какими-то личными сбережениями.

– Тханг, – внезапно сказал орк, протянув руку.

Волков удивился – раньше его спутник предпочитал отмалчиваться – но вида не подал и пожал протянутую руку, представившись в ответ:

– Глеб.

Орк фыркнул, услышав имя, и пояснил, заметив недоуменный взгляд Глеба – тот впервые столкнулся с такой реакцией на свое имя:

– У нас так короткий пехотный меч называется. На поясе у капитана наемников такой висел.

– А, понял. У нас похожие клинки гладусами или гладиусами прозывались, – ответил Глеб. В переводе своего имени на местный язык он не усмотрел ничего обидного. Гораздо хуже, если бы «Глеб» означало у местных «задница», «грязь» или что-то иное, столь же неблагоприятное. А так – неплохо.

– Только ты лучше на Данхельта откликайся.

– С какой стати? – оскорбился Глеб.

Имя он получил от родителей и не собирался от него отказываться – вполне устраивало. О чем и сообщил орку Тот задумчиво почесал затылок и предложил:

– Данхельт-Глеб сойдет? Решат, что прозвище.

А иначе могут проблемы возникнуть.

Глеб подумал и согласился. Имя свое он отстоял, пускай и в качестве прозвища, а продолжать настаивать – чревато неприятностями. Он и так находится в этом мире на птичьих правах. Будет создавать сложности – могут решить проблему радикально. Как в песне: никто не узнает, где могилка твоя. Горевать здесь о нем некому.

Он отбросил постоянно падающие на глаза волосы, перебрал побрякивающие в кармане монеты и спросил:

– Где здесь поблизости парикмахерская?

Тханг не понял вопроса, и Волков, покопавшись в памяти, переспросил:

– Цирюльник?

– А, цирюльник! – лицо орка озарилось пониманием. – Есть. Здесь поблизости.

– Веди. Ты здесь местный – тебе и карты в руки.

И они пошли.

Пройдя десятка два домов, орк ткнул пальцем на небольшой домишко с вывеской, на которой художник – не иначе от слова «худо» – намалевал что-то непонятное. Лишь призвав на помощь все свое воображение, Глеб смог опознать на этом образчике местного авангарда изображение перекрещивающихся ножниц и бритвы.

На вопрос Глеба орк ответил, что подождет его на улице.

– Вольному – воля.

Глеб толкнул деревянную дверь и под веселый звон колокольчика вошел внутрь. На звук колокольчика выглянул в переднюю пожилой мужчина с унылым лицом, не изменившим выражение при виде посетителя. Смерил потенциального клиента взглядом, отметив добротную одежду Волкова, и махнул рукой:

– Сюда проходите.

Сюда так сюда. Глеб вошел в комнату.

– Присаживайтесь, – парикмахер указал на деревянное кресло в центре комнаты.

Волков сел на жесткое, неудобное сиденье, с тоской вспомнив комфортные сиденья земных парикмахерских. Цирюльник набросил на него широкую накидку, застегнув на пуговицу на шее, надел фартук из плотной ткани с нашитыми большими карманами, из которых торчали орудия труда, и поинтересовался пожеланиями клиента.

– Подстричь покороче.

– Укоротить?

– Подстричь, – Глеб показал на пальцах желаемую длину – С боков можно еще короче.

– Как у наемников?

Глеб вспомнил короткие – наверное, чтоб голова не потела под толстым подшлемником – стрижки наемников. Очень практично, особенно в жару.

– Пожалуй. Да, и побрить еще.

Защелкали ножницы, срезая с головы длинные пряди волос. Парикмахер работал быстро и уверенно, и Глеб прикрыл глаза, погружаясь в приятную полудрему. Была у него еще на Земле такая привычка – дремать в парикмахерских. Да еще в общественном транспорте. Не выходя из полудремы, он только механически наклонял и поворачивал голову, подчиняясь негромким указаниям мастера. Потом звук ножниц стих и раздался скрип направляемой на ремне бритвы. Легкие, влажные касания помазка и острое лезвие стало сбрасывать отросшую щетину. Прикосновение ткани, стирающей с лица остатки пены. Шуршание щеточки, смахивающей с головы и плеч колючие волоски.

– Готово.

Глеб открыл глаза и глянул в поднесенное цирюльником овальное зеркало в массивной бронзовой оправе с ручкой. Кивнул удовлетворенно, проведя рукой по коротким волосам.

– Вода в бочонке, тазик рядом, – сказал цирюльник и показал рукой, где именно.

Волков начерпал ковшиком в низкое круглое корытце, собранное из плотно пригнанных деревянных плашек, воды и обмыл голову. Подозрительно посмотрел на висевшее рядом серое полотенце и перевел взгляд на парикмахера. Тот правильно интерпретировал его взгляд и принес из соседней комнаты другое. Глеб вытер голову и спросил:

– Сколько?

Цирюльник посмотрел в потолок, пожевал в раздумье губами и выдал:

– Одну серебряную.

Глеб пожалел, что не поинтересовался у Тханга местными ценами. Вспомнил – орк говорил, что на пару монет можно декаду питаться, если без изысков. Решил, что цена завышена:

– Больно цену ломишь, мастер.

– Пол-монеты, – пошел тот на попятную.

Волков достал из кармана серебряный кругляш и протянул парикмахеру. Дождался сдачи из горстки медных монет и вышел за дверь к ожидающему на улице орку. Когда Тханг увидел его короткую стрижку, то чуть челюсть на мостовую не уронил. Не уронил, но разразился целым потоком возмущения. Из всей чрезвычайно эмоциональной речи, обильно приправленной местными идиоматическими выражениями, Глеб уяснил только, что он не слишком умный человек, которого на пять минут без присмотра нельзя оставить.

– В чем дело? – прервал он орка на полуслове, когда тот пошел на второй круг.

Тханг поперхнулся и ткнул пальцем в его стрижку, заорал:

– В чем дело?! Ты у меня спрашиваешь: в чем дело? – он еще раз указал на короткие, влажноватые после помывки волосы. – Что это такое?

Глеб поковырял пальцем в зазвеневшем от диких воплей ухе и честно ответил:

– Стрижка.

– Какая, нахрен, стрижка?!

– Короткая.

Орк страдальчески замычал, словно у него заболели разом все зубы, даже те, что давно выпали.

– В чем дело-то? – повторил Волков. – Объясни по-человечески. Очень практичная прическа – и не жарко, и волосы в глаза не лезут. У вас же носят короткие прически. Вон, у наемников я такие же видел.

– У наемников?! – Тханг взвыл. – У наемников?! Ты же не наемник! Маркиз Фаросс носит стрижку, как у наемников?!!

– Какой, к черту, маркиз?! – теперь повысил голос и Глеб. – Какой! К черту! Маркиз?! Не имею к нему никакого отношения!

– Имеешь! Пока находишься в его теле – имеешь! – Тханг ткнул его пальцем в грудь.

Глебу захотелось в ответ въехать орущему орку хорошим хуком в челюсть, но остатки здравого смысла удержали уже пошедшую на замах руку. Тханг понял по его глазам, что в следующий раз Волков может не сдержаться, и сбавил тон. Вряд ли он испугался самой драки – парень он здоровенный – и схлестнись они с Глебом, еще неизвестно кто бы вышел победителем. Скорее всего – не захотел портить репутацию своему драгоценному маркизу. Точнее – его телу.

Сказал заметно тише:

– Шляпу надень.

Тем и ограничился. Больше упреков Глеб от него не услышал.

– Приперлись, когда не надо, – недовольно процедил орк, бросив короткий взгляд ему за спину.

Волков оглянулся и увидел приближающихся местных стражей порядка в стальных шлемах с полями – на Земле, если Глеб не путал, такие шлемы назывались шапелью, – стальных же кирасах, с короткими мечами, висящими на поясах слева, и деревянными дубинками – справа, с алебардами в руках. Не иначе кто-то чересчур бдительный сообщил, а может, их привлекли громкие вопли Тханга.

– Нарушаем? – с барской небрежностью спросил один.

Он цепким профессиональным взглядом оглядел Глеба, отметив и его добротную одежду, и отсутствие на поясе подобающего дворянину оружия, и принял его то ли за преуспевающего лавочника, способного позволить себе покупку недешевой одежды, то ли за купеческого приказчика, чем и объяснялось отсутствие в его обращении слова «сэр». Перевел взгляд на орка, не сдержав презрительной мины.

Глеб не успел ответить, его опередил не успокоившийся до конца Тханг:

– Шел своей дорогой – вот и иди, пока тебе другую дорогу не показали.

Стражник опешил. Подобным образом с ним еще не разговаривали. И кто? Какой-то орк!

– Чего?! – он перекинул алебарду в левую руку и потянул из чехла дубинку.

– Уши почисти – с первого раза все слышать будешь.

– Да я тебя! – стражник сделал шаг вперед, замахиваясь дубинкой.

Глеб не одобрял нарывающегося на конфликт орка, но и не мог безучастно смотреть, как того будут избивать. Он шагнул вперед и перехватил руку стражника.

– Уважаемый, не...

– Ты кто такой?! – невежливо перебил тот.

Рванул руку в попытке вырваться. Волков сжал сильнее. Остальные стражники угрожающе надвинулись, наклонив алебарды.

– Пусти! – крикнул кто-то из них. – А то подколем.

Орк вновь показал свою золоченую бляху, и стражники остановились.

– Отпусти его, – сказал он Глебу.

Глеб отпустил. Стражник отпрянул от него, потирая красноватый след на запястье.

Орк убрал значок и зыркнул на стражников, сказав:

– Разобрались? – уловил неуверенный кивок. – Вот и валите своей дорогой! – и уже Глебу: – Пошли, что ли? А то еще кто прицепится.

Волков был не прочь еще погулять по городу, но спорить не стал. Если он здесь надолго застрял, то еще успеет все осмотреть. Первое знакомство со столицей оказалось немного беспокойным, но дало немало пищи для размышлений. Теперь следовало все обдумать, и лучше это сделать в выделенной ему комнате. Там тихо – мешать никто не будет. Но прежде следовало прояснить один вопрос, и Глеб спросил:

– Что не так с моей стрижкой?

Орк криво на него посмотрел, но, видимо, вспомнив с кем имеет дело, пояснил с кислой миной:

– Слишком короткая. Неприлично.

– Чем?!

– Короткие волосы носят только крестьяне. Еще наемники. Иногда солдаты. У ремесленников, приказчиков, лавочников, купцов – длиннее. Дворяне – еще длиннее, до плеч и ниже. Для маркиза Фаросс короткие волосы – позор.

Глеб удивленно вытаращил глаза. Здесь, оказывается, длина волос определяется занимаемым положением. Знал бы заранее – не стал волосы срезать... Наверное... Может быть... Ведь так намного удобнее...

– А сам? – Волков решил прояснить вопрос до конца.

– Я – орк, – гордо ответил Тханг, проведя рукой по бритой голове. – Мне – можно. Все выяснил? Тогда пошли во дворец. Полдня уже шляемся.

Глеб кивнул. Пошли так пошли. Все равно идти ему больше некуда.

Эливетта оглядела ближайших сподвижников, собравшихся в том же составе, что и полторы декады назад, и ее посетило чувство дежавю. Эрно Альтин так же развалился в кресле, закинув ногу на ногу, и крутил в пальцах длинную ножку бокала. Индрис подпирал спиной стену, сложив руки на груди. Виттор вновь предпочел занять место у двери. Все так же, словно они все это время не выходили из комнаты. И тема для разговора осталась прежней – Данхельт.

– Тханг, ты что-то хотел сообщить? – поторопила Эливетта замывшегося орка.

– Да, госпожа. У меня в голове не укладывается, то, что я увидел.

– У меня тоже, – хмыкнул Виттор. – Так укоротить волосы?! Я был в шоке, когда увидел. Такой позор на всю столицу! Не сомневаюсь, что скоро об этом будут все кому не лень на каждом углу судачить. И даже наш многоуважаемый граф, – он сделал легкий поклон в сторону главы Тайной стражи. Эрно отсалютовал ему полупустым бокалом, – не сможет воспрепятствовать расползающимся слухам.

– Я не об этом.

Виттор фыркнул и потянулся за своей фляжкой.

– Мне показалось, что в трактире, во время соревнований с наемниками, у Данхельта... у Глеба в глазах появилась багровая пелена.

Начальник стражи пробурчал:

– Они еще и с наемниками связались!

Но Эливетта пресекла его бурчание и переспросила орка:

– Пелена?

– Ну да, – кивнул тот. – Такая же, как у тебя, когда ты, госпожа, чем-то недовольна или злишься.

– Бред! – высказался Эрно. – Тебе просто показалось.

– Нет, я уверен.

– Тханг, я благодарна тебе за эти сведения. Госпо да, – легкий поклон в сторону присутствующих. – Думаю, на этом мы можем закончить. Мне нужно обдумать полученную информацию.

Эливетта поднялась с кресла и царственной походкой покинула собрание. Эрн Альтин дождался, когда за ней закроется дверь и процедил сквозь зубы, обращаясь к Тхангу:

– Знаешь, иногда следует и промолчать. Девочка и так переживает – не стоит дарить ей зряшную на дежду.

Угрюмо набычившийся орк хотел ответить какой-то резкостью, но сумел удержать себя в руках и не наговорить графу лишнего.

– Надеюсь, ты больше не дашь этому Глебу натворить что-либо еще, – продолжил Эрн. Орк кивнул в ответ. – Вот и славно.

– Эрн, может, мне приставить к нему несколько стражников? – предложил Виттор.

Альтин, взявший на себя после ухода Эливетты права распоряжающегося, некоторое время обдумывал поступившее предложение, но возможные минусы такого поступка намного перевесили возможные плюсы, и он ответил отрицательно:

– Не стоит.

– И все же...

– Не стоит, Виттор.

– Что ж, тебе виднее... Ладно, пойду проверю посты – что-то мои стражники совсем расслабились без моего чуткого руководства, – жизнерадостно хохотнул Виттор и, выходя за дверь, не удержался, буркнув себе под нос: – Все же пара-тройка моих ребят была бы не лишней.

Эрн предпочел сделать вид, что ничего не услышал.

– Мы не можем постоянно держать его под присмотром, Эрн. Многие дворяне уже прослышали, что Данхельт... Глеб выздоровел, и всеми правдами и неправдами пытаются попасть к нему на прием, дабы «засвидетельствовать свое почтение его высочеству, господину маркизу», – процитировал Индрис кого-то из придворных. – И рано или поздно им это удастся, а я не уверен, что он намеренно или случайно не сболтнет ничего лишнего – последствия такого поступка очень сложно предсказать, но в одном я уверен точно – хорошего в этом мало.

– Последствия и для него будут малоприятные. Он ведь не дурак, Индрис?

– Думаю, да, – осторожно ответил тот.

– Значит, он и сам понимает, что в его положении лучше держать язык за зубами, но... Думаю, мне пора с ним познакомиться, заодно и разьясню кое-что нашему гостю.

– Доложить о твоём посещении госпоже?

– Не надо, я сам ей потом все расскажу.

День оказался очень насыщенным событиями, не ограничившись одной только городской прогулкой.

Новая неожиданность случилась, когда Глеб валялся на кровати и читал.

А что еще было делать? Он уже полторы декады провел в этих стенах, и только книги, пусть и не слишком интересные – до нормального фэнтези им далеко, но хоть от безделья не помрешь – да редкие прогулки по внутреннему дворику, плюс сегодняшний выход в город спасали от скуки. И хорошо еще, что он мог читать на незнакомом языке, получив такую возможность в подарок от своего нового тела.

В дверь комнаты, вернее отдельных покоев, включавших в себя шесть помещений – Глеб, хоть убей, не мог понять, зачем нужно одному человеку столько комнат! – постучали.

– Войдите, – откликнулся он автоматически, не отрываясь от текста.

– Надеюсь, я вам не помешаю, молодой человек, – вежливо произнес вошедший, вот только в голосе у него вопросительные интонации отсутствовали напрочь, словно он ничуть

не сомневался в том, что Глеб не будет протестовать против вторжения, или ему было просто наплевать на все возражения.

– А если помешаете, то извинитесь за беспокойство и уйдете? – насмешливо сказал Волков, отложив книгу.

– Конечно... нет, – ухмыльнулся в ответ незванный гость.

Глеб покосился на недочитанную книгу, мысленно вздохнул и принял более приличное для приема гостей сидячее положение.

– Что ж, добро пожаловать. Чай, кофе не предлагаю, ввиду их отсутствия.

Гость вначале недоуменно приподнял брови, дернул уголком губ, как бы обозначая улыбку, и ответил:

– Спасибо, я с собой захватил.

Гость извлек из-под широкого плаща кувшин и поставил его на столик. Сам плащ сбросил на рядом стоящий стул, оставшись в черном длинном, почти до колен, камзоле с начищенными серебряными пуговицами в два ряда и обшитым по краю серебристым галуном. Бесцеремонно прошествовал в соседнюю комнату и вернулся с двумя стеклянными высокими емкостями, напоминающими бокалы без ножек, которые Волков по привычке именовал стаканами.

– Сиди, – пресек он попытку Глеба встать. – Сам справлюсь.

Откупорил кувшин и наполнил бокалы-стаканы.

– За знакомство, – приподнял он бокал, отсалютовав Глебу, и представился: – Эрно Альтин. Граф.

– Волков Глеб, – ответил тот, беря второй стакан. – Или, как советовал Тханг, Данхельт-Глеб.

– Вот и познакомились.

Гость сел в кресло напротив Глеба и отпил из бокала. Волков решил не тушеваться и тоже глотнул напиток с яблочным вкусом. Сидр. Ядреный, с легкой кислинкой – вкусный. Глеб не удержался и сделал еще несколько глотков. Потом спохватился, что гость – Эрно Альтин – вряд ли пришел ради того, чтоб угостить его сидром, и вопросительно посмотрел на Эрно. Тот медленно, смакуя каждый глоток, тянул сидр. Пауза затянулась. Глеб решил продублировать свой вопрос словесно, когда граф отставил свой бокал, и сказал:

– Итак, Глеб... Данхельт Глеб, гадаешь, зачем я при шел. – Волков протянул что-то невразумительное, типа «ну». Приняв это за знак согласия, Эрно продолжил: – Посмотреть на нашего очень необычного... го стя. Сами понимаете, такое событие!.. Я просто не мог пройти мимо.

– Не слишком торопились.

– Торопливость, молодой человек, до добра не доводит, – наставительно произнес граф, бросив на со беседника резкий, как удар меча, и столь же острый взгляд. – Прежде чем нанести визит, мне следовало кое-что обдумать... – в интонациях графа прозвучал недвусмысленный намек на то, что слово «обдумать» следовало скорее понимать как «изучить». – Не ответишь ли, Глеб-Данхельт, Данхельт-Глеб, на некоторые вопросы старика? Не каждый день чужая душа попа дает в тело наследника престола. Так что, – он развел руками, – дело здесь не в моем любопытстве, а в государственных интересах.

– Наследник?! Да вы шутите, граф.

– Увы, такими вещами не шутят.

Глебу показалось, что потолок рухнул ему на голову. Наследник! Да уж, в покое теперь его точно не оставят. Разве только – могут обеспечить могильный покой.

Видимо, выражение его лица было настолько отчаявшимся, что Эрно Альтин счел необходимым его подбодрить:

– Выше нос, молодой человек. Тащить вас на плаху никто не собирается. Мы же – не звери.

Несмотря на охватившее его отчаяние, Волков нашел в себе силы усмехнуться – ухмылка получилась донельзя жалкой:

– А как же государственные интересы?

– А вот это я и пытаюсь выяснить. Так как насчет ответов на мои вопросы?

Глеб пожал плечами:

– Вы же все равно не оставите меня в покое, – граф кивнул с довольным видом кота, только что умявшего целую крынку сметаны. – Спрашивайте.

И граф начал задавать вопросы.

Разговор затянулся на длительное время, так как вопросов у Эрно оказалось множество. Разных вопросов.

Его интересовало все: случаи из жизни Глеба, его взаимоотношения с другими людьми, политическое устройство земных государств, история, экономика, личная точка зрения Волкова на то или иное событие и многое другое. Попутно он сам рассказывал много интересного о местном мире или проводил сравнение рассказанного Глебом с тем, что существует здесь, втягивал в обсуждение своего собеседника. Поразила, что на Земле кроме людей нет других разумных существ. Фыркнул при описании государственного строя большинства земных государств, заявив, что при прочих равных условиях страны с выборной властью всегда слабее монархических. При рассказе о равноправии – расхохотался, а при разъяснении Глебом таких понятий, как политкорректность, пиар-технологии, журналистика – скривился. Когда землянин сболтнул о секс-меньшинствах, нетрадиционных отношениях и гей-парадах, он длинно и запутанно выругался и, бросив на собеседника настороженный взгляд, хмурым тоном поинтересовался: не имеет ли его Эрно Альтин собеседник к ним отношения. Волков в ответ, отбросив всякую осторожность, не выбирая выражений, высказался и в сторону этих меньшинств, и по поводу подобных грязных намеков, пройдясь попутно и по самому графу. Благо что граф с пониманием отнесся к столь бурному проявлению чувств и не стал применять к своему невыдержанному собеседнику репрессий. Только посоветовал в другой раз быть более осторожным в выражениях – можно и на дуэль нарваться, если собеседник сочтет себя оскорбленным. Глеб понял, что немного перегнул палку, когда переключился на личности. Выдавил из себя невнятные извинения – все же граф первый его зацепил своими подозрениями. Ссора угасла, так и не начавшись, и граф, сочтя инцидент исчерпанным, продолжил расспросы.

Когда беседа, а точнее закамouflированный под нее мастерский допрос все же закончился, Волков чувствовал себя словно выжатый лимон. Он, с немалым удивлением для себя, отметил, что Эрно Альтин сумел вытянуть из него все, включая даже те события, произошедшие с Глебом, о которых он давным-давно забыл. Вернее, это он так думал, что забыл. Как выяснилось – ошибался. Для настоящего мастера, а Эрно Альтин был из таких, подобные мелочи не стали препятствием. Так же как не стали препятствием попытки Глеба умолчать о чем-либо, Эрно множеством дополнительных вопросов все равно получал необходимый ответ.

Эрно Альтин вежливо попрощался со своим собеседником, поблагодарил за интересный разговор и выразил надежду на будущее продолжение беседы. Глеб, также узнав для себя много интересного, согласился.

Уже на выходе граф, подхватив со стула свой плащ, обернулся и сказал:

– Надеюсь, Глеб, вы уяснили для себя, что не стоит направо и налево козырять своим иномировым происхождением. Поверьте, ни к чему хорошему это не при ведет. – Волков предпочел поверить. – Будет лучше, если все по-прежнему будут принимать вас за Дан хельта.

Высказав такое пожелание, граф покинул отведенные землянину покои.

Глеб некоторое время задумчиво смотрел ему вслед. Потом спохватился, что уже долгое время рассматривает закрывшуюся дверь, выучив наизусть все древесные узоры на ней и, чтоб отвлечься, бросил взгляд в окно. За окном было темно.

– Надо же, сколько времени прошло, а я и не замечал, – удивился Глеб.

Желудок громко заурчал, напоминая хозяину, что разговоры – разговорами, но кушать тоже требуется. Увы, ужин ему никто не предоставил. Глеб припомнил, что за время разговора кто-то пару раз робко стучался в дверь, и решил, что ужин ему все-таки приносили, только посетитель так заплел ему мозги, что он даже не отреагировал на стук. И еще – пришло ему в голову только сейчас – повадками Эрно Альтин напоминал незабвенного особиста, немало крови попортившего в свое время молодым солдатам, в том числе и Волкову. Впрочем, было бы странно, если бы местный аналог безопасников рано или поздно не нанес ему визит, а в том, что своя служба безопасности здесь имеется, Глеб не сомневался – спецслужбы существовали на Земле во все времена, и вряд ли другой мир чем-то отличается в этом плане.

Но кушать хотелось невероятно. Возможно, на зверский аппетит повлияло еще то обстоятельство, что в результате прошедшей беседы у Глеба появилась более-менее твердая, конечно, не стопроцентная – но сто процентов, как известно, дает только Госстрах, и то, только при подписании договора, а не при его исполнении – уверенность в том, что жизнь ему все же оставят.

Волков, лелея надежду на чудо, подошел к выходу из отведенных ему помещений и выглянул в коридор. Чудеса бывают – на небольшом развозном столике у стены стоял накрытый поднос, испускающий очень аппетитные запахи. Глеб не стал долго медлить и проворно закатил столик в свои покои.

Глава 3

Недовольно всхрапнув, мощный рыцарский конь, способный нести всадника в полном вооружении, дернулся в сторону, но остановился, осаженный умелой рукой наездника. Лишь переступил пару раз, с хрустом размалывая в труху попавшие под тяжелые копыта корни и ссохшиеся комья земли, да косил на невозмутимо сидящего в седле хозяина влажно поблескивающим глазом, выгибая крутую шею. Стремительно пролетевший мимо так, что был слышен только свист рассекаемого воздуха, сокол – мощногрудый, с продолговатыми черными пятнами под глазами сапсан – развернулся и с пронзительным клекотом завис перед всадником, делая частые взмахи крыльями, чтобы удержаться на месте. Рыцарь – о чем красноречиво свидетельствовали золотые шпоры на сапогах, – протянул вперед руку, и птица тотчас успокоилась, устроившись на этом импровизированном насесте. Подскочивший к наезднику сокольник в фиолетовом одеянии с гербом сеньора с поклоном принял у него перчатку из толстой кожи с вцепившемся в нее соколом.

– Едут, ваша светлость!

Рыцарь повернулся в седле и бросил на кричавшего настолько выразительный взгляд, что тот побледнел и, судорожно сглотнув, произнес уже намного тише:

– Едут, ваша светлость.

Всадник еще некоторое время морозил провинившегося взглядом. Отвернулся. Слуга облегченно вздохнул, и в это время до него донесся негромкий голос дворянина:

– Пять плетей на конюшне.

– Ваша све... – попытался тот оправдаться. Он на чал работать в замке не так давно, иначе знал бы, что рыцарь не терпит даже намека на возражение.

– Десять!

Некоторые из присутствующих подумали: «легко отделался» или «повезло дураку».

– Да, господин.

Слуга попятился, мечтая оказаться как можно дальше от сеньора. Стоило ему скрыться за спинами других слуг, как он получил затрещину, да такую, что искры из глаз посыпались.

– Ты что пасть свою раззявил, – подтянув его по ближе к себе, зашипел старший слуга, кипя праведным негодованием. – Если у тебя зубов много лишних, так ты только скажи – я тебе их враз прорежу. Ты кто?

Неужто сам советник его светлости здесь передо мной стоит. Ах, слуга! И то правда, какой из тебя советник, чай, у нашего господина в советниках-то бароны да виконты ходят, а не морды деревенские. Молчать! Добр его светлость, добр. Моя б воля – так я тебе, паскуде этакой, голыми руками... – в подтверждение своих слов он потряс своими ручищами перед лицом слуги. – Голыми бы руками, говорю, язычище твой поганый выдернул.

Отвесив провинившемуся еще одну затрещину для закрепления полученного урока, старший слуга с чувством выполненного долга удалился.

Вдали показалась небольшая группа всадников. Ехали они неторопливо, сберегая силы коней.

В стане встречающих поднялась тихая, но присущая каждой встрече суета. Она возникает всегда, независимо от того, как тщательно готовилась предстоящая встреча: кто-то торопливо подтягивал ослабленные ремни доспехов (мало ли что может произойти!), кто-то тихо ругался себе под нос – заразившийся от окружающих людей тихой паникой конь взбрыкивал, мотал головой, сводя на нет все попытки хозяина взобраться в седло. Толпа слуг отхлынула подальше от рыцаря, свысока взиравшего на поднимающуюся суету, словно скала, у подножия которой кипит прибой. Подальше, чтобы не мешать переговорам благородных господ, но не слишком далеко – вдруг будут какие распоряжения. Старший слуга разъяренным медведем

носился в толпе слуг, щедро раздавая как распоряжения, так и угрозы: мол, если что не так, то...

Впрочем, как всегда бывает в такой ситуации, к моменту встречи все привелось в порядок: выскальзывавшие из пальцев пряжки застегнулись, конь успокоился, слуги были на своих местах, воины построились за спиной господина, готовые выскочить вперед и закрыть собой в случае опасности, и даже вечно недовольный старший слуга затих.

Новоприбывшие остановились в отдалении, после чего предводитель отряда, в сопровождении двоих человек, неторопливо поехал в сторону встречавших. Остальные, повинаясь требовательному окрику, мгновенно спешили и раздались в стороны, держа наготове луки.

– Не доверяют, – шепнул державшийся по правую руку от сюзерена начальник охраны.

– Вижу, – ответил тот почти беззвучно, не оборачиваясь.

– Щиты наготове держать, – последовала новая команда.

Солдаты напряглись, держа подъезжавших в поле зрения. Кто-то сдвинул руку поближе к оружию, кто-то поудобнее перехватил щит. Врагов у их господина хватало, и излишняя беспечность могла привести к преждевременной кончине. Даже встреча со старыми друзьями – соратниками – сподвижниками – компаньонами (нужное подчеркнуть!) могла иметь совершенно неожиданный исход. А если гости ни в одну из этих категорий не входят? Значит, нужно быть вдвойне осторожным! Вон как сами-то гости осторожничают – стрелки уже и линию выстроили, чтобы не мешать друг другу в случае чего.

Командир охраны, нервно барабанил пальцами правой руки по бедру, бросал настороженные взгляды на выстроившихся стрелков. Не слишком комфортно чувствовать себя мишенью. Хоть самих стрел пока и не видно, но... Много ли времени нужно хорошему стрелку, чтобы натянуть лук и сделать выстрел? Миг-два, не больше! А плохих стрелков – это он знал точно! – среди новоприбывших не было. Не было среди них и слабых духом, не было и молодых, зачистую излишне горячих. Нет, только бывалые ветераны, которые либо погибнут, либо выполнят полученный приказ. Вернее, в данном случае – умрут, но выполнят. Хорошие соратники и опасные враги.

Начальник охраны взглянул на рыцаря и позавидовал его выдержке, тот по-прежнему сохранял полное спокойствие. Конечно, завяжись бой и немногочисленных лучников просто сметут в несколько раз превосходящими силами, но за свои жизни они успеют взять кровавую плату полной мерой. И, естественно, что первыми жертвами будут предводители – никакое искусство фехтования здесь не поможет. Стрелу не отбить мечом, не дотянуться до врага ответным выпадом. Именно это и пугало отнюдь не робкого воина. Наряду со страхом в душе бушевал гнев. Гнев на этих проклятых лучников, заставивших его почувствовать свою беспомощность перед оперенными, стремительными вестниками смерти, на себя, поддавшегося липким, одурманивающим объятиям страха, на господина, затеявшего эти переговоры и упрямо демонстрирующего свою смелость – словно в ней кто-то сомневается, – выехав под прямой выстрел.

– Сэр Наль, сэр Прово, – произнес обернувшийся сюзерен. – Прошу вас составить мне компанию.

После чего шевельнул поводьями, двинув коня навстречу гостям. Сэр Прово и командир охраны последовали за ним.

Спокойствие на лице рыцаря было просто маской, призванной скрывать любые чувства. Маской, под которой никто не смог бы разглядеть смех. Не смех, а хохот!

«Наль, ты – тупица! – одного мимолетного взгляда хватило маркграфу, чтобы прочитать все мысли подчиненного. – Несмотря на золотые шпоры и гордую приставку “сэр”, ты так и остался тем простым мужиком, что лишь по капризу старика получил рыцарское звание. Быть может, только твои внуки смогут встать вровень с истинными дворянами, Наль. Да, Наль, они, а уж никак не ты. Ведь мало получить дворянское звание – нужно еще признание окружающих,

Наль», – мысленно он никогда не называл своего начальника охраны сэром. Впрочем, вслух он никогда так не говорил. Не стоит отталкивать преданных людей, попирая их достоинство.

«Впрочем, наш нынешний гость от тебя не слишком отличается, такой же мужлан. Ведь он так же прям, как и ты. Будет сражаться до конца, даже без надежды на успех, и не колебаясь прикажет перебить нас стрелами, но только если мы сами нападём. Первым он не нарушит слово, что и дает мне возможность демонстрировать храбрость безо всякого риска... почти без риска. Ведь у меня слишком большие планы, чтобы рисковать собой».

Сам он признавал только выгоду и расчет, хоть ни когда явно не демонстрировал своих взглядов, более того, потешаясь в глубине души и даже – чего уж тут скрывать – презирая безрассудно храбрых, честных и излишне щепитильных людей, опираться и доверять – насколько это возможно и... необходимо – он предпочитал только таким. На людях старался не слишком отличаться от них, бравируя и храбрясь. И это у него неплохо получалось! Он имел репутацию отчаянного смельчака. Хотя никогда не рисковал сверх меры.

Да, однажды он лично возглавил атаку своих бойцов, первым влетев в ряды врагов и своим примером воодушевляя солдат, о чем впоследствии пели менестрели по замкам, прославляя его храбрость. Верно, но атака свежих сил тяжелой рыцарской конницы, имеющих к тому же численное превосходство, с разгона ударивших во фланг не успевших перестроиться, измотанных долгим боем всадников на усталых, заморенных конях – не слишком большой риск.

Так же, как восхищались некоторые идеалисты его бесстрашным вызовом герцогскому всевластию, имеющим мало общего с настоящим бесстрашием. Просто было глупо не воспользоваться благоприятной ситуацией. Главное не расслабляться после первых успехов, а продолжать наращивать силы и укреплять свои позиции. Чем он сейчас и занимался.

– Барон Ульф, – рыцарь склонил голову, приветствуя гостя.

– Маркграф Турон... Господа... – ответные слова были отрывистыми, словно команды на поле боя, а вместо плавного поклона – резкий рывок головой вверх – вниз.

– Легка ли была ваша дорога? Как семья?

– Все хорошо, благодарю. Может, быть перейдем к делу? Вы же предложили мне встретиться совсем не для того, чтобы интересоваться здоровьем моей семьи.

– Барон¹¹, – в голосе рыцаря прозвучала легкая укоризна. – Нельзя же так сразу... Вы не в бою, чтобы рубить сплеча.

– Предпочитаю решить все вопросы сейчас, не откладывая.

– Может, пройдем в мой шатер? Выпьем вина, поговорим. У меня великолепное вино – таренское...

Барон задумчиво пригладил пышные седые усы, почесал переносицу и, махнув рукой, согласился.

Заметив, что сопровождающие барона Ульфа воины спешили, намереваясь последовать за своим господином, маркграф Турон сказал:

– Барон, может, лучше поговорить с глазу на глаз?

– Хорошо, – ответил Ульф, переглянувшись со своими сопровождающими. – Надеюсь, больше ни каких условий?

– Не беспокойтесь, барон, – улыбнулся маркграф. – Больше никаких условий.

Сопровождающие обоих господ воины встали на стражу по обе стороны от входа. Маркграф вежливо пропустил гостя вперед и вошел следом, задернув полог.

---

¹¹ Барон – первый из дворянских титулов высшей знати, может быть как вассалом другого более знатного феодала – на пример, графа, – так и непосредственным вассалом правителя (короля, князя, герцога). Маркграф – феодальный владетель крупного пограничного округа.

Время от времени из шатра до воинов доносились отдельные звуки и слова, но понять по отдельным отрывочным репликам, о чем идет речь, было невозможно. Впрочем, стоящие на страже вассалы и не пытались строить догадки. Пару раз в шатер заглядывал старший слуга маркграфа, лично занося кувшины с вином.

Через некоторое время разговор пошел на повышенных тонах, и стоящие на страже воины напряглись, настороженно ощупывая глазами возможных противников. Прикидывали свои действия на случай, если переговоры между господами зайдут в тупик и перейдут в стадию открытого столкновения. В этом случае людям барона пришлось бы намного сложнее, чем их оппонентам: им пришлось бы с боем прорываться из лагеря маркграфа, и шансов вывести сюзерена живым было немного. Поэтому они облегченно вздохнули, когда барон Ульф стремительно вылетел из шатра, бурча ругательства себе под нос, точнее под густые усы, и, отдав вассалам распоряжение следовать за собой, забрался в седло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.